

Лариса РАТИЧ

г. Санкт-Петербург

Жизнь есть сумма всех ваших выборов.

Альберт Камю

Да, с дядькой мне не повезло. Я, конечно, и сама просчиталась, впредь буду умнее. Но он — моралист хренов! — тоже своё получит, я уж постараюсь, будьте уверены.

Это ему даром не пройдёт, пусть свою распрекрасную жену отчитывает. Ишь, праведник нашёлся!

— Ну что ж, Инга, ты сделала свой выбор, — это он мне напоследок заявил. — Видишь ли, деточка, человек постоянно в жизни выбирает, каждую минуту. Поэтому всё зависит от него самого, и не надо искать виноватых. Будь здорова.

И трубку бросил. Ну и буду здорова, а ты как думал? Я его хорошо знаю: больше ни о каких отношениях между нами и речи быть не может. Жаль.

Да не его жаль, конечно! — зачем он мне сдался?! Имущество уплыло, вот что обидно. А я три года ухлопала, чтоб это устроить...

Дядька мой решил на старости лет жениться, видите ли. Нет, он и до этого всю жизнь был женат, но тётка Дина, конечно, — штука ещё та. Я-то как раз с ней отлично ладила, а вот дядька — никак. Ну, любви там вообще никогда не было, детей тоже. Да это всё ничего, жить можно, но тётка перегнула палку конкретно: последние десять лет этого «брака» вела исключительно свою жизнь. Они даже жили в разных комнатах, месяцами не разговаривали. Она, если честно, и замуж-то вышла, только чтобы печать в паспорте была. Статус для неё дело не последнее.

Я, в принципе, была их единственная точка соприкосновения. Чего греха таить, кого им ещё любить, о ком заботиться? Я сумела стать нужной им обоим. Всего-то делов: звонить и почаще приезжать. Слов хороших не жалеть, про здоровье спрашивать, подарки привозить по случаю и без.

А теперь сложите два и два и ответьте: кому должна была достаться их квартира? Правильно, мне. Мне двадцать пять лет, им обоим — за пятьдесят. Как говорится, дело времени.

САГА

пригородного камня

повесть

Так нет же, надо было этой Асе появиться! Она дядькина однокурсница, «любовь юности», чтоб ей пусто было. Они, видите ли, в молодости почему-то расстались, а теперь нашлись, и «всё былое в отжившем сердце ожило». Противно даже! О душе пора думать и о белых тапках, а не про марш Мендельсона.

Дядька Пётр прямо ожил, крылья расправил, грудь колесом. Тётке Дине объявил, что расходится с ней.

Главное, смешно: жили как чужие, она сама чуть ли не раз в неделю закидывала про развод (пугала, что ли? А зачем?..), а как и вправду случилось — чуть не лопнула от злости. Её что больше всего взбесило? — что какая-то там бывшая лучше неё. А чем?!

Но дядька — мужик упёртый, решений своих никогда не меняет. Да и любил он, оказывает-ся, эту Асеню всю жизнь.

Я-то сразу смекнула, как мне быть. Только новая жена вселилась (переехала из другого города), а тётка Дина вернулась в квартиру давно умерших родителей, которую годами сдавала внаём, я тут как тут. Надо же быть в курсе дела!

А что? Умный человек любую ситуацию просекает с ходу. Ведь люди все одинаковы, поэтому угодить «тётечке Асе» было раз плюнуть. Я оказалась так неподражаемо любезна, так бесконечно рада дядиному счастью, что Ася растаяла, и мы сразу стали друзьями до гроба.

Но теперь возникало много вопросов: как тётка Дина будет делить «совместно нажитое»?

Дядя Петя, будучи инициатором развода, всё-таки считал себя виноватым и решил поступить так, чтобы тётка Дина поменьше обижалась. Они по-нормальному договорились, что ни в какие суды отставная супруга не пойдёт. (Она сама просила: «Не позорь меня ещё и там!») Но дядька за это выплатит ей большие деньги. Так получилось, что покойница-мать оставила ему очень немало, а деньги эти по суду не делились: наследство.

Вот наивный мой дядечка и отвалил Дине огромный куш (почти всё, что у него имелось!) под честное слово, что претензий у тётки больше не будет. Честное слово тётки Дины звучит так же смешно, как «благородные глаза голодного крокодила». Разве дядька этого не знал?! Даже расписки не попросил, глупый.

Она денежки взяла — и на другой день уже преспокойно жаловалась на бедность знакомому адвокату. И сразу составил иск от потерпевшей, «выброшенной без копейки на помойку». Тётка Дина любила выражаться попышнее, а уж когда расписывала свои обиды, то слушатели проникались уверенностью, что гильотина — это самое мягкое орудие возмездия за такие дела.

Я поразились тёткиной хватке: вот молодец! Теперь ещё и полквартиры оттяпает. Дураков надо учить, правильно.

Тётка Дина не раз говорила, что считает меня за дочку и хочет именно мне всё оставить «потом». Поэтому я и после их развода отношения с ней не портила: половина квартиры — это тоже хорошо, а там — как бог даст.

Можно было аккуратно общаться и там, и здесь — и дядя Петя вторую половину тоже завещает мне. Эх, если бы не эта новая тётушка! Она же, если вдруг что произойдёт, — наследница первой очереди, по закону. Но ей некому «потом» завещать, так уж вышло. И если я — дядькина любимица, то и Ася никуда не денется. Всё сходится, как в аптеке.

И вот тут я сплеховала.

Когда тётка Дина преподнесла дядюшке сюрприз в виде суда (ох и физиономия у него была, стоило посмотреть!), он мне сразу сказал:

— Инга, выбирай: или Дина, или я. Если ты хочешь общаться с ней, то про меня забудь.

Я, конечно, заверила, что с такой коварной обманщицей моего любимого дяди никаких контактов не будет. А сама решила: ну зачем мне терять своё? Пусть дядюшка думает, что я полностью с ним солидарна, так даже лучше.

Тётка Дина сразу оценила мой ход: она получила своего человека в стане врага. Потом это тоже мне зачтётся, а как же!

И началось интересное: суд за судом, апелляция за апелляцией. У дядьки ведь ещё и машина дорогая, так её тоже — на делёж. Я была, конечно, в курсе всех дядюшкиных контрходов и потихоньку информировала тётушку Дину. И все его уловки тут же теряли смысл, как он ни бился.

Короче, через год (и три суда!) решилось так: дядька должен выплатить Дине за полквартиры и полмашины. Или, как вариант, разменять квартиру на две.

За полмашины дядюшка наскрёб (продал свою шикарную «тачку» и купил «жигулёнок»), а с квартирой дело застряло. Дядя Петя разъярился не на шутку за такой обман и решил из принципа стоять насмерть.

У Дины получилась проблема, ведь по решению суда она, отняв половину жилья, имела право там просто поселиться. А заставить дядьку продать или разменивать — это можно было только мирным путём, суд не имел права заставить.

— Что?! По-хорошему? — орал дядька на шустрину-адвоката, у которого «деньги не пахли». — Я с этой воровкой никаких хороших разговоров больше вести не намерен!

Вот так. И точка!

И осталась бы тётка Дина не при своих, если бы не я. Дядя Петя в душевном разговоре поведал мне, что Дина, конечно, сама не вселится: во-первых, всё-таки стыдно; а во-вторых, знает она, что не даст он ей ни минуты покоя.

— Вот так и буду ходить за ней по пятам и повторять: «Верни деньги, обманщица!» Изведу! И свою часть квартиры продать, как сейчас делают разные твари, она тоже не сможет! Ей ведь тогда нужны оригиналы документов на жильё, а я разве дам? Хрен с маслом!

Я всё это передала тётушке, и она пригорюнилась. Но я же и утешила:

— Тётя Дина, если нельзя продать, то сдать-то можно!

— Как, как ты сказала? — взбодрилась она.

— Сдать внаём. Имеете право! Ну вы же знаете как! Тогда бумажка только одна нужна: договор с жильцами.

— Гениально, дорогая! Вот я всегда говорила, что у тебя мозги на месте. А я уж найду, кому сдать. Выкурю этих голубков, как клопов поганых. Тогда разменяются, куда денутся!

— Или купят у вас вторую половину, — кивнула я.

— На какие шиши? — ухмыльнулась тётка. — У него теперь не хватит ни на что, я точно знаю.

— У него — да, но у его красавицы как раз именно столько, сколько стоит ваша доля.

— Откуда знаешь? Ты уверена? — заинтересовалась Дина.

— Знаю. Она мне по-дружески сама себя заложила. Свою квартиру ведь продала, когда реши-

ла с дядей Петей сойтись. Уверена, видите ли, что никогда назад не вернётся.

— Да, дура истинная! — обрадовалась тётка. — Ведь могла бы сдавать, и всё. Денежки знай себе капали бы. Вот как у меня было...

И тётка пустилась в воспоминания. Наговорившись вдоволь, она заключила:

— В общем, устрою я им цирк на проволоке, а всё равно по-моему будет.

И устроила, конечно. Очень скоро к Петеньке с Асенкой заявился коренастый молодой мужик, который предъявил обалдевшим хозяевам «Договор о найме» и, особо не мешкая, въехал во вторую комнату вместе с семьёй: с женой и грудными девочками-близнецами.

К тому же новые жильцы оказались людьми напористыми и непробиваемыми и, как и все люди из глубинки, отлично умеющими качать права.

Тётенька Ася рыдала у меня на плече, а дядя Петя, интеллигентный доктор, выдавал такие словесные построения, что позавидовал бы любой взломщик сейфов. Припав к другому моему плечу, на другой день мне изливала душу тётка Дина:

— Все силы положу, а им спокойной жизни не дам! Всё сердце моё измучилось! Пусть теперь знают!

Так и было с месяц, что ли. А потом получился небольшой прокол. Дело в том, что тётка Ася странная до невозможности! — вдруг ни с того ни с сего, вопреки логике любого нормального человека, взялась лечить малышей этих квартирантов. Она ведь педиатр, а девчонки подхватили где-то серьёзную простуду, да обе сразу!

Я бы на её месте только порадовалась, что те, которые мне мешают, ищут пятый угол; а она — нет. Взялась за них, как за своих, выходила на славу. И подружилась с врагами!

Вот жилищка Асе по-доброму и посоветовала: мол, откупите лучше у Дины что положено, она ведь ни за что не отступится. Грозилась, что так и будет годами подселять; не одних, так других. Уступите, дескать, лучше; как раз денег Аси, за прежнюю квартиру взятых, хватит.

— Про мои деньги ты от Дины знаешь? — тут же врубилась Ася. — А ей кто доложил?!

И тут, конечно, всё выяснилось. В курсе дела была только я и больше никто! Тогда-то дядька

мне и позвонил со своей лекцией о выборе в жизни каждого человека.

Вот лишний раз я убедилась, что в любых делах не бывает мелочей! Надо было строго-настрого, десять раз предупредить тётку Дину, чтобы не сболтнула ничего ненароком. Ну вот к чему каким-то там квартирантам выкладывать всё подряд?! Им-то ни жарко, ни холодно.

Я, конечно, потом объяснила всё это тётке Дине, да что толку?.. Поздно. Теперь кто ей будет рассказывать, как у Пети с Асей жизнь протекает? Кто подскажет, кто поможет, если мне туда хода больше нет?

— Пусяки, — отмахнулась тётка. — Главное, что я их крепко на аркане держу. Если не откупятся, то так и будут до скончания века с жильцами толкаться задницами на тридцати метрах!

Дядька Пётр и сам это прекрасно понял, и пришлось-таки «молодожёнам» все денежки Аси передать в цепкие ручонки тётки Дины.

И теперь мне — дуля с маком?! Уплыла моя будущая квартира...

Но я, однако, утешилась тем, что у тётки Дины тоже много чего есть: и деньги, и квартира-«сталинка». Она по суду не делилась (тоже наследство). Вот как повезло.

— Ладно! — мыслила я. — С дядькой «пролетела», но зато тут!..

Ведь благодарность Дины, кажется, не имела границ. А я ещё и усилила свою заботу и нежность втрое.

Но вот что удивительно: тётка быстро стала терять ко мне интерес. Я сообразила: ей-то всегда надо было знать самые свежие новости! Я же чуть ли не каждый день подробно, в красках всё расписывала про Петю с Асей, и мы вместе смаковали каждый их жест и каждое слово. Дина, млея от наслаждения, по сто раз переспрашивала, как парочка психует, как лезет на стенку от её действий.

А тут сразу всё кончилось. И даже Аскины деньги её больше не радовали. Тётка Дина сделалась невыносимой, раздражительной, без конца ворчащей. И походка изменилась: тётку как будто перекособочило от злобы, и она не ходила, а металась, припадая на левую ногу. Ужасно хамила всем, кто попадался на дороге. Раздайся, море, жаба плывёт!

Но я терпела. Пройдёт! Чисто по-женски это

можно понять. Я бы тоже отомстила, да в сто раз больше. Убила бы эту Аську! Ишь, любовь у них...

Я всё искала, как же Дину отвлечь и успокоить:

— Тётя Дина, у вас теперь всё будет хорошо! С такими средствами живите в своё удовольствие, радуйтесь.

— Чему?! — взбеленилась Дина. — Чему, потвоему, я должна радоваться?! Тому, что эти твари теперь в шоколаде, а я — в полном дерьме?!

Здравствуйте-приехали... В каком они шоколаде?! Столько потерять!..

— Ходят по улице как голубочки, за ручки держатся! Видела я их, видела! Аж светятся, сволочи!.. Всё равно ведь: вместе они, и даже в той же квартире, где я жила! На моей кровати, в моей спальне!

Я попробовала было сказать, что, однозначно, отлично тётка Дина их приземлила, столько денег забрала. Что так им и надо! Небось, ни днём ни ночью покоя нет, так этих денег жалко!

— Да ни хрена им не жалко, дура ты! — аж зашлась тётка Дина. — Говорю же: видела я их! Они меня не заметили, я из-за киоска подсматривала. Он её, значит, за плечики приобнял, на ушко что-то шепчет, улыбается, старый кретин! И она лыбится в ответ, как будто по миллиону в день получает! Люди кругом, а им плевать, как будто они одни на свете! А потом она его по плечу погладила и в губы — чмок! Понимаешь?! Если они на улице чуть не тра..., что же тогда наедине, а?!

И яростно набросилась на меня:

— Ты-то мне что плела, деуля?! Что? Что они страдают, переживают, что у них только и разговоров, как они выкручиваться будут! Да?! А им хоть бы хны! Деньги? А что деньги? Мне их теперь хоть в зад запихивай, легче не станет! Они-то вместе, понимаешь?! И при этом ещё и счастливые! А я?! Кому нужна я? И деньги мои, кстати, — кому они пойдут, а?!

— Как «кому»? — даже не поняла я. — Я же вас так люблю, тётя Дина! На всё для вас готова!..

— Да ты любого любишь, милая, у кого с личностью порядок! — отрубил тётка Дина. — Что ж ты, такая хорошая, сразу, когда твой дядечка заявил, что меня бросает, не плюнула ему в харю, а?! Почему не заступилась за меня, не высказала ему ничего?! Ведь могла бы чисто по-женски его

пристыдить, тебя ведь тоже в своё время муж бросил! Или уже забыла, как это тяжело?!

Я даже околела от неожиданности. Вы такое видели?.. При чём тут мой неудачный брак?.. А как же мои старания, моя помощь? Если бы я не ходила к дядьке, хрен бы что у Дины вышло!

— И без тебя бы справилась, не надо песен! Тоже мне Штирлиц! Меня не проведёшь, я тебя насквозь вижу: хотела и нашим, и вашим?! А Бога-то не обманешь, он всё-о видит!

Так, теперь и Бог у неё на подхвате! Да... Чувствую, плохи мои дела.

— Если б та дурында, жиличка, не проговори-лась, ты бы, небось, до сих пор туда бегала на пироги?! А вот нет, за всё надо отвечать! Надо вовремя выбор делать!

Что, и эта — про выбор?!

А Дина добила:

— В общем, так. Не ходи ко мне больше. В конце концов, у меня родная кровь есть, сын сестры. А ты мне никто! Вот и отправляйся к своему дяде Пете и целуйся с ним.

И мне ничего не оставалось, как подняться, забрать сумку и «покинуть помещение», как приказала тётка Дина.

Да... Если человек подлый, то во всём! Кому я поверила, кому?! Тётке Дине? Я такая же лохушка, значит, как и дядя мой. Нет, я ещё хуже, потому что тупее!

Одно хорошо, что я ушла не молча. Хотя не так обидно!

Переступая в последний раз порог второй провороненной мною квартиры, я решила поставить и свою жирную точку. Пусть помнит, гадина!

— Не удивительно, тётя Дина, что Пётр вас бросил. Удивительно, как он с вами жил, с такой падалью. А его Ася — умница и красавица, с вами не сравнить.

Тётка аж захлебнулась, настолько удачно я прицелилась. Выбор, говоришь? Получи, раз просишь.

— Ах ты... Ах ты... — она даже выскочила следом.

— Ах я, ах я, ошейник бугая! — нахально пропела я ей прямо в морду и шмыгнула в лифт.

Отъезжая, слышала тётушкины проклятья, но они меня уже не волновали. Пусть хоть перила изгрызёт.

* * *

«**Н**алево пойдёшь — коня потеряешь. Направо пойдёшь — меча лишишься. Прямо пойдёшь — буйну голову сложишь...»

Много болевшая баба Нюра любила рассказывать мне сказки, и особенно — эту. А меня всегда интересовало, что же это за сказка такая странная, где нет нормального пути? Баба Нюра смеялась и отвечала:

— А в жизни всегда так! Без потерь не бывает... Но выбирает человек всегда сам, у каждого свои придорожные камни.

Бабушка вообще часто говорила загадками, но я, хоть и была мала, хорошо всё понимала и мотала на ус.

— Баба Нюра, а ты куда бы повернула в той сказке?

— А куда ни поверни, детка, всюду борьба. Главное, я думаю, на любой дороге себя не уронить, а там как Бог даст, на всё его воля.

— А я бы — налево!

— Почему? — удивлялась баба Нюра.

— А потому что там — «коня потеряешь», а я пешком бы пошла, без коня!

— Хитро, — соглашалась бабушка. — Но то ж ты! А богатырю — ему без коня никак нельзя. И без меча он не боец, а уж буйну голову сложить — совсем плохо.

— Но ведь в сказке всегда всё хорошо кончается, куда б ни поехал. Почему?

— Это только в сказке, — вздыхала она. — Вот подрастёшь — сама увидишь.

...Баба Нюра умерла, когда мне было двенадцать лет. И умерла не дома: когда она стала совсем плоха и окончательно слегла, моя мама (по знакомству, иначе очередь бесконечная!) срочно определила её в дом престарелых. И с тех пор, почти четыре года, мы её и не видели. Узнали только о смерти, когда маме позвонили «по поводу похорон».

Мама торопливо согласилась, что пусть дом престарелых сделает всё сам, надо лишь приехать проститься. Родители взяли на работе по отгулу, а меня оставили, и на этом всё кончилось. Как я потом поняла из разговора, им пришлось всё-таки оплатить часть расходов, и папа от этого ужасно злился.

— Мы и так немало выложили, чтобы тещу

нормально устроить! Это просто грабёж, я буду жаловаться!

Мама в общем-то соглашалась, что да, не порядок, но насчёт «жаловаться» — не поддерживала. Она прикинула, подсчитала, что и так неплохо вышло; самим хоронить — так дешевле не обошлось бы.

— Да и всё-таки, Вовик... Мать она мне, понимаешь? Зачем склоку заводить?

На том и порешили.

...Я тогда ещё, давно, когда только бабушку увезли, спросила маму, зачем мы её отдали? Мама ужасно рассердилась, но всё-таки решила растолковать:

— Ну вот скажи: кто из нас будет за ней ухаживать?! Мы с папой на работе с утра до ночи, ты — в школе. Ты что, хочешь с ней возиться?! А ведь это ох как непросто: надо с ложечки покормить три раза в день! А мыть?! Как её мыть, ты подумала? А если в туалет она захочет, а? Будешь за ней стирать, подтирать? Если, например, по-большому прямо в постель навалит?!

Меня передёрнуло: нет, конечно! Не буду!..

— Ну вот видишь! — взвизгнула мама. — И я не буду. Не могу! Да и некогда... А в санатории (мама упорно называла приют «санаторием») — условия прекрасные, за каждым — отдельная медсестра ухаживает целыми днями! Там есть и с кем поговорить по-стариковски. А здесь? — что же она, целыми днями сама с собой разговаривать будет? А вдруг ей неожиданно плохо сделается — и что? Кого тут звать днём? А там каждую минуту наблюдают. И, между прочим, чтобы в этот санаторий попасть, люди по десять лет в очереди маются! Нам ещё повезло!

И моя маленькая совесть абсолютно успокоилась. Действительно, раз уж там так всё продумано! Одного я не могла понять: почему мы к бабушке никогда в гости не ездим? Ведь мама ей обещала... Но этот вопрос я не задавала, ведь когда ездить-то? В выходные всегда куча дел — и отдохнуть как следует не успеешь, не то что переться ещё куда-то к чёрту на рога. Да и папина машина именно в выходные, как назло, требовала то ремонта, то профилактики, а своим ходом «только дураки ноги бьют», как говорила мама.

Правда, ещё можно было приехать во время

отпуска или каникул, но как-то всё не складывалось: то одно, то другое. И всё срочно! Что же делать, это жизнь.

«Да и зачем мы ей там? — однажды подумала я. — Что от этого изменится? Лишнее...»

Похоронив бабушку, мама долго ещё, месяца два, всем жаловалась, какое горе её постигло, и носила скорбное лицо. Потом перестала. Папа же ничего особенного не ощущал и иронически советовал маме «не устраивать спектакли», ибо в её «боль» не верил совершенно. Мама шумно обижалась:

— Как ты можешь!!!

Однако я видела: папа прав. Честнее ничего не изображать, если ничего не чувствуешь.

— Вот Инга — молодец, — говорил папа про меня. — Не корчит скорбящую, ибо и не скорбит.

Мне лестно было, что папа считает меня прямой и искренней; но, однако, и маму я понимала: что люди подумают? Ведь это тоже важно. Пусть знают, как она переживает, какая это для неё утрата. Надо только вести себя чуть скромнее, не так показушно, тогда никто и не усомнится. В этом, как и во всём остальном, надо чётко знать меру.

Поэтому я тоже сдержанно сообщила в школе, что у меня умерла любимая бабушка; меня даже в тот день отпустили домой... Ну и хватит, пора и честь знать.

Конечно, это, по сути, была моя единственная «действующая» бабушка (папины родители жили очень далеко, и мы почти не виделись). Я помнила, что меня баба Нюра любила, возилась со мной до самой школы, и её смерть была мне неприятна. Пусть бы ещё пожила!

Я даже хотела потом попросить маму съездить на могилку, но как-то опять всё не складывалось, не состыковывалось. Так постепенно желание и отпало. Да и правда, зачем?.. Бабушку ведь всё равно уже не поднимешь.

А когда мне исполнилось пятнадцать, с папой случилось несчастье.

— Доремонтировался! — плакала мама.

Она всегда была недовольна, что папа столько возится с машиной. Всё свободное время отдавал гаражу, а не семье.

— Если б любовницу завёл, то, наверное, я не так бы ревновала, — укоряла мама.

Но это, конечно, преувеличение: любовницу

мама просто убила бы. Она однажды оттаскала за волосы соседку, когда папа зачистил туда то кран отремонтировать, то карниз прибить... У той, видите ли, некому; разводная. Такая себе Ольга Петровна: глазки, губки...

— Я тебя инвалидом первой группы сделаю! — орала мама на Ольгу.

Папа немедленно прекратил визиты, а Ольга Петровна съехала по обмену.

— Истеричка ты! Ведь не было же ничего! — оправдывался папа перед супругой.

— А я для профилактики! — не сдавалась мама. — Ты же своей машине её делаешь, чтобы лучше ездила. Вот и я так же, для уверенности.

Больше этот вопрос не поднимался, и теперь папа отлучался только в гараж. Там подобралась хорошая компания, и можно было спокойно, без «стояния над душой», и выпить, и поговорить «за жизнь».

И вот однажды отец полез на крышу гаража (вроде протекала), а потом, спускаясь по лестнице, оступился и грохнулся вниз с верхней ступеньки. И так неудачно, что безнадежно повредил спину. Позвоночник — это не шутка.

— Это только Вовик-придурак мог умудриться расшибиться так, как будто его с самолёта уронили, а не с лестницы упал! — с ненавистью прокомментировала мама, когда к ней прибежали с новостью. — Будет знать, алкоголик!

Мама была уверена, что отец «повалится да и очухается», но когда в больнице ей сообщили, что муж вряд ли когда-нибудь встанет, совершенно растерялась.

— Это рок какой-то, не иначе! — бормотала она, носясь по дому из угла в угол.

Я подумала, что мама, наверное, тоже устроит папу в какой-нибудь «санаторий». Разве есть другой выход?.. Оказалось, есть. Мама позвонила свекрови и потребовала, чтобы родители забрали сына к себе.

— Вы на пенсии, у вас времени вагон и маленькая тележка! А мне дочку поднимать надо, как вы думали?! На одну зарплату теперь! Что?! Вовкина пенсия по инвалидности? Вы что, издеваетесь?! Это гроши! — всё на лекарства уйдёт, да ещё и не хватит! Мне что, погибаться из-за вашего пьяницы?!

И не прошло и трёх дней, как дедушка действительно приехал. Папу погрузили в ма-

шину, и он отбыл в надёжные руки. Когда я его на прощание целовала, то заметила, что он плачет.

— Ну ты чего, пап?.. Вылечишься ещё! А я... я приеду скоро!

— Нет, — прошептал он.

Что «нет» — не вылечится или не приеду, я не поняла. Но оба «нет» сбылись полностью: через год отец наглотался каких-то таблеток, и его не стало. Видно, не захотел больше жить...

На похороны мы не ездили.

— Зачем?! Чтобы мамаша его мне гадостей наговорила? — тут мама была железно права, ведь бабушка не так давно прислала длинное письмо, в котором назвала и маму, и меня «большими негодяйками».

...Ну, значит, царство небесное усопшему. А не надо было на крышу лазить!

— Сам, козёл, виноват! — припечатала мама. И тема исчерпала себя окончательно.

* * *

Мама утешилась довольно быстро, и в нашей квартире появился дядя Слава. Правда, он оказался младше мамы на целых десять лет, но по виду не скажешь: крупный, высокого роста горячий южный мужик.

Мама сказала мне, что официально замуж не собирается, вполне достаточно гражданского брака. Хотя я была уверена, что это сам дядя Слава (когда мама не слышала, я называла его просто «Славик») не хочет идти в загс. Зачем ему? Прописка имеется, деньги он зарабатывает неплохие... К тому же Славик находился в разводе и платил алименты на двоих детей. И что, нужна ему новая жена? Как зайцу барабан!

Мама, судя по всему, втрескалась сильно. Начала тщательнее следить за собой, сделала молодёжную стрижку и даже влезла в «мини». Думала, что этим скрывает возраст, а на самом деле выходило ровно наоборот. Лично у меня так и вертелось на языке: «Дура старая!» Что ни говори, а нельзя выглядеть смешной.

Но мама упорно ничего не замечала, а иронические взгляды воспринимала как знаки восторга и зависти. Славик умело поддержи-

вал в ней это заблуждение и, конечно же, добился многого.

Я, например, когда узнала, что маменька подарила своему разлюбезному машину папы, просто пришла в неистовство! В конце концов, это не только её имущество, но и моё! Значит, когда мне надо, так денег не хватает, всё «подожди» да «подожди». А ведь мне очень много требуется! А как этому орангутану волосатому, так ничего не жаль!

Но я видела, что спорить с мамой сейчас всё равно что против ветра плевать. Только наживать лишние неприятности. А она тогда, чего доброго, назло мне может ещё и не то отчебучить. Упрямая ведь, как ослица, и такая же неумная — правильно папа считал.

И я решила действовать, а не ждать у моря погоды. Если я захочу, то этот сожитель предпочтёт меня, а не её; а дальше видно будет. Тем более что Славик и сам не прочь, я же не слепая.

Мама всегда приходила домой после шести, и была масса возможностей побыть с «дядей Славой» наедине, ведь он работал посменно в своём автосервисе и иногда отсыпался до самого обеда.

И вот однажды, только он глазки продрал, — а я уже вернулась из школы. И сразу оценила ситуацию: пора! И, как бы ненароком задев рукой его полуголое бедро (брился в ванной), я не спеша повесила чистые полотенца и томно спросила:

— Поможешь мне в спальне бельё поменять? Пододеяльник подержишь?

Надо ли говорить, что он уже через три секунды торчал рядом и «помогал», при этом активно подталкивая меня к кровати? Я сделала вид, что не могу устоять перед его обаянием; и если бы мамуля слышала мои стоны и вскрикивания, то поняла бы, что такое мастер-класс по сексу. Я хорошо понимала в этом толк, и Славик немало удивился: не ожидал.

— А я думал, что ты неопытная, — признался он.

— Так оно и есть! — возмутилась я. — Ты что, не понял?!

— Нет, я... Но ты такая! Такая!..

— Это потому, что мне было очень хорошо. Ты молодец! А я-то, глупая, боялась! Мне го-

ворили, что первый раз это ужасно неприятно... Я тебя обожаю!

— Да? — воспарил он. — Ах ты, моя куколка!

И наши отношения пошли по нарастающей. Мама ничего не замечала, да и мы были предельно осторожны.

Не знал Славик, конечно, что опыт секса я приобретала не с ним... А с ним умело делала вид, что «учусь» и «раскрываю свой потенциал». И якобы от любви и страсти становлюсь с каждым разом всё способнее и способнее. Он прочно сидел у меня на крючке, и я только посмеивалась. Я чётко знала, что моя перезрелая родительница ни в какое сравнение со мной не шла.

Я частенько вспоминала (про себя, конечно; я не идиотка, чтобы делиться подобным), как началась моя половая жизнь: это было ещё в седьмом классе.

У нас тогда появилась новенькая, второгодница Светка Кулакова (фамилия не в бровь, а в глаз!), и её посадили со мной. Мы быстро подружились, потому что Светка оказалась компанейской, нежадной и шустрой, а мне это нравилось. И вот однажды я пожаловалась ей, что родители почти совсем не дают мне карманных денег:

— Представляешь, они считают, что у меня есть всё, что нужно. А может, мне хочется чего-то такого... своего, понимаешь! И чтобы я сама могла купить.

— Понимаю, — оживилась Светка. — У меня та же песня. Но выход я давным-давно нашла сама! (Да, денежки у Светки были всегда, чему я немало завидовала.)

— Поклянись, что никому не скажешь, я тогда и тебя научу. Всегда будешь в порядке.

Светка никогда не ляпала языком попусту, и я тут же дала слово молчать.

— Тогда завтра покажу и научу, — пообещала Светка. — Оденься только понарядней, глазки подведи. Поняла?

Я, конечно, до конца сначала не «въехала», но назавтра, когда мы пошли «на дело», Светкины указания оценила.

— Сейчас я начну, а ты сначала только смотри, — велела Светка. — А когда я уйду, подожди меня, я через полчаса вернусь. Наблюдай внимательно и всё поймёшь, ты сообразительная.

Мы пришли в сквер, и Светка уселась на ска-

мейку в начале аллеи. Я примостилась на лавочке напротив. Очень внимательно смотрела, как Светка, заложив ногу за ногу, подёрнула повыше свою и без того короткую юбку, и её длинные ноги стали видны чуть ли не до талии.

Ух!.. У меня даже дух захватило, до чего вызывающе Светка расселась! А она достала длинные дамские сигареты и картинно закурила. При этом не вертелась и не суетилась, но видно было: не прочь завести интересное знакомство. И оно случилось!

К Светке подсел довольно приличный мужик (правда, старый: точно за пятьдесят; фу-у-у...), они перебросились парой фраз — и через минуту поднялись и ушли. Я поняла. Всё поняла — и восхитилась. Смелая какая!

Я с нетерпением поджидала Светку обратно, и она действительно вернулась довольно скоро. Пришла и села рядом.

— Ну ты даёшь! — я с восторгом схватила её за руку. — А за сколько?

— Это как договоришься, — деловито пояснила она. — Чем старше, тем больше, естественно.

И назвала сегодняшнюю цену. Я не поверила даже: и это только за один раз?!

— Я больше трёх раз в неделю не работаю, — продолжала Светка. — И мне достаточно.

Ещё бы не достаточно! Ух ты!

— А я смогу? — засомневалась я.

— Ты не хуже, — заверила Светка. — Да ведь дело и не во внешности, понимаешь? Главное, вести себя правильно. Ну, ты же видела! Я, между прочим, никогда больше десяти минут не жду; сразу клюют.

Она ещё пояснила, что деньги надо всегда брать наперёд, а то её один раз обманули. И второе: соглашаться идти только с трезвыми и чистыми мужиками. И чем старше, тем надёжнее.

— А не противно? — уточнила я.

— Ой, я тебя умоляю! Все они одинаковые, хоть старый, хоть молодой... Глаза закрыла, три минуты потерпела, — и всё. Привыкнешь.

Я долго не отпускала Светку, всё расспрашивала. А она терпеливо учила, где и как лучше. И много ещё чего. В общем, я за час узнала все тонкости «профессии». Напоследок Светка сказала самое главное:

— Работай по чуть-чуть, не жадничай. Место меняй всё время! А то взрослые проститутки

могут навалить, мало не покажется. С ними не связывайся, ходи в одиночку. И никому не признавайся, чем занимаешься, поняла?! Я-то тебе верю, поэтому и помогаю. Но если, не дай бог, брякнешь про меня — отойдешь и в лицо тебе плюну.

— Да что ты, что ты!

В этот день я пока не рискнула попробовать, ещё целую неделю набиралась смелости. А потом сказала Светке, что готова.

— Удачи! — кивнула подруга.

А я, видно, и правда уродилась цепкая и сообразительная, как правильно вычислила Светка. С первого же раза вписалась что надо. Помню как сейчас тот первый выход: подошёл молодой мужчина, поговорили. Я назвала цену и сказала, что деньги вперёд.

— А если обманешь? — усомнился он.

— Мне ни к чему клиента терять, — твёрдо заявила я. — Вдруг ты захочешь стать постоянным!

Мужик тут же согласился и вынул бумажник, рассчитался. Потом мы сходили в одно место, недалеко (Светка чётко научила: никогда не соглашаться ехать в машине; только пешком и только близко: техника безопасности!). Мужик получил своё и остался доволен. Только смеялся:

— Так ты, оказывается, в первый раз! А я и не догадался, думал, бывалая!

Он ещё и доплатил мне «сверху»:

— За чистоту!

С почином, в общем. И Светка меня похвалила. Потом я это проделывала без волнений. Жаль, что Светка вскоре ушла от нас. Они переехали далеко, и мне стало не с кем делиться.

...Так вот, наш со Славиком роман был в самом разгаре, когда я потребовала:

— Дорогой, а тебе не кажется, что настоящий мужчина просто обязан делать подарки девушке, с которой он спит? Ты же не на пособие от безработицы живёшь.

Он смутился. Ну да, мамочку-то имеет бесплатно, та и сама рада его одаривать. Но, спасибо, понял, дважды не пришлось повторять. И я стала регулярно получать всё, что хотела. Иногда просто деньги, если фантазии не хватало. С чего мне своё терять?!

Маме, которая видела у меня новые вещи, я убедительно объяснила, что за мной с размахом

ухаживает одноклассник (я как раз заканчивала школу), сын о-очень состоятельных родителей.

— О! — воспарила мама. — Молодчина, держи его покрепче! Может...

Ишь, надеется сбить меня с рук, чтобы только с одним Славиком в квартире остаться!

Наш с мамой любовник был прописан у своей бывшей жены. Размениваться он не хотел, видите ли. Всё-таки там его дети. Ишь, какой благородный! А если он, не ровен час, всё-таки решит жениться на моей мамочке и пропишется у нас?! Нет уж, хватит с меня подаренной машины.

А Славик между тем начал потихоньку-полегоньку намекать, что пора нам уже прекратить отношения. Некрасиво, мол. Какие мы оба обманщики, вах-вах-вах!

Ах ты, конь! Всё ясно. Не ошиблась, значит, я с его планами на прописку. Ладно!

И я заявила ему, что беременна. Получите-распишитесь, милый-дорогой! Он от ужаса чуть на стенку не полез: я ведь несовершеннолетняя. Ага!

— Только маме не говори, только не говори! — чуть не ползал он в ногах. — Я денег дам сколько хочешь! Аборт сделай, умоляю! Я помогу, договорюсь! Умоляю!

Было и смешно, и противно. Тоже мне джигит! Но жалеть его я не собиралась:

— Значит, так: покупаешь мне квартиру — и инцидент, как говорится, исчерпан.

Славик аж вспотел, заныл, запросился:

— Это все мои деньги уйдут!.. Я могу только очень маленькую... Больше денег нету, нету!

Ой, комедиант! Но я милостиво согласилась:

— Ладно. Даю десять дней. Если не купишь — и маме скажу, и ребёнку рожу. Заставлю тебя платить алименты, не отступлюсь. На всё пойду. И будет скандал, что ты жил с малолеткой!..

Славик сник: у него не было другого выхода.

Поэтому через две недели я — к огромной мамочкиной радости! — переехала в собственное жильё. Правда, крохотное. Мама была на седьмом небе от «бесконечной щедрости» всё того же якобы одноклассника.

— Инга! Держись за него руками и ногами! Вот повезло так повезло. Наверное, поженитесь!

Я делала загадочное лицо и улыбалась. Был месяц май: на носу выпускной, потом — сама себе хозяйка, да ещё и с квартирой. Вот он, ум!

А Славик? Да хрен с ним, пусть мамочка им пользуется, мне не жалко. Он со мной расплатился, и я, долго не мучая, сообщила ему, что сделала аборт и что ему больше не о чем беспокоиться. На самом деле беременности, конечно, не было.

* * *

Как только я переехала в свою квартирку, мама сразу перестала мной интересоваться. Теперь Славик, Славик и только Славик! На него она почти молилась.

Окончив одиннадцатый класс, я не стала никуда поступать. Во-первых, с моим аттестатом это можно только на коммерческой основе, а кто будет платить? Славик? Но я же человек честный: он мои условия выполнил, ну и хватит.

А во-вторых, зачем куда-то вообще поступать? Мне учёба и в школе до смерти надоела, какой от неё толк? Чтобы жить и забот не знать, надо просто хорошо устроиться: если уж и не замуж за богатого, то хотя бы в любовницы, а там видно будет. И тогда за своё будущее можно не опасаться.

Хватит, в самом деле, на скамейке работать. Пока шло всё гладко, но, по закону больших чисел, однажды я обязана была нарваться на что-нибудь ужасное. Я нутром это чувствовала! Своим приметам я доверяла чётко, и всё указывало на то, что с интимными услугами пора завязывать навсегда. Пусть это останется воспоминанием ранней юности, такой себе скелетик в шкафу без права показа.

И что вы думаете? Моё уникальное чутьё меня не подвело. Вскоре в нашем городе стало известно о нескольких страшных убийствах, совершённых, как передавали, сексуальным маньяком. Он приглашал к себе молоденьких девушек, страшно насиловал и убивал. Что за девочки? Заманивал он их или сами шли?.. Мне стало по-настоящему жутко, до обморока. Я-то как раз сама бы пошла, добровольно, и уговаривать не надо! Ведь говорят, что маньяка с виду никогда не распознаешь. Они-то и есть самые приличные... Так что вовремя я соскочила!

Итак, квартирка грела мне душу, а маме я сказала (чтобы отстала с расспросами и советами!),

что моим отношениям с богатым юношей пришёл конец. Что он, изменник, полюбил другую. Мама расстроилась, что теперь он заберёт «подарок», но я объяснила, что для него это мелочь, не стоит возиться, и квартирка так и останется мне. И она моментально успокоилась:

– И то хорошо! Найдёшь себе кого-нибудь получше!

Вот именно, найду. Ещё от зависти лопнут все.

И я, проявив активность, устроилась секретаршей в одно неплохое местечко. Мне что понравилось: работы немного, а важно другое: надо быть лицом фирмы. Я отлично поняла, что к чему, и идеально вписалась в обстановку. Я ловко управлялась с компьютером (единственное, чему я хорошо научилась в школе!), и можно считать, что даже получала удовольствие от работы.

А самое основное — приловчилась до тонкостей чувствовать настроение шефа. Я очень наблюдательная: изучила жесты начальника, его интонации и точно знала, когда и что надо сделать или сказать. Он даже спросил однажды:

– Ты что, телепат?..

Растерянно спросил. А что тут особенного? Я же видела, что он приехал на работу с большим опозданием. И взгляд потухший, голова опущена...

Он — в кабинет, а я — к холодильнику: лимончик нарезала, коньячку плеснула в любимую рюмочку. И на подносе внесла, тихонько так. Поставила перед ним и душевно посоветовала:

– Не принимайте близко к сердцу, Владлен Игнатович! Я сейчас вам ещё кофейку сварю, отдыхайте. А я пока буду всем отвечать, что вас нет. Всё наладится!

Обыкновенная бабья мудрость — очень советую. А он чуть не расплакался. Как дитя малое! Мужики — они ведь наивные до смешного, хоть и уверены, что намного проницательнее нас.

Вот так и стала я для своего шефа чуть ли не первым другом и советчиком. В любовницы, правда, почему-то не звал, хотя я была давно готова. Ну ничего, ждать тоже надо уметь — время терпит.

И дождалась бы я — он уже поглядывать начал. Но тут не повезло! Принесла нелёгкая нового компаньона моему Владлену, а партнёр этот — один из моих бывших парковоскамеечных. Оп-па!..

Он меня с порога узнал, ослабился. Я потерялась... Надо было сразу сделать вид, что вижу его первый раз в жизни, а я от неожиданности сплеховала, заморгала. Хоть и быстро справилась с собой, но момент был упущен. Сердце заняло в тоске предчувствия. Хотела было попросить, что, мол, не надо болтать, отблагодарю! Но замешкалась, усомнилась: может, и сам не скажет? Ему-то какая разница?!

Но этот гад не смолчал. И потом, когда он ушёл, Владлен Игнатович позвал меня в кабинет и брезгливо предложил:

– Вот что, Инга, давай-ка ты «по собственному» напиши. Ты мне тут с такими приключениями не подходишь, сама понимаешь. Мы фирма серьёзная, только-только в гору пошли.

Я не стала оправдываться, в тот же день и ушла. Одна из моих хороших черт — принципиально не унижаться и не просить. А то потом только противно, самолюбие страдает. И когда меня просят, я тоже терпеть не могу. Сразу теряю уважение! Не люблю слабаков.

Вот, помню, в восьмом классе дело было. Отлупили мы троём (я, Сашка Котов и Генка Марков) одну зазнайку из нашего класса. Взяла она, понимаешь ли, моду презрительно кривить губки, если кто слабо отвечает. Главное, сама с репетиторами английским занимается, шпарит как леди, а мы плевали с высокой горы на этот собачий язык. Нам лишь бы не «два», а там хоть трава не расти.

Так вот ухмыльнулась она раз, ухмыльнулась два — да и нарвалась. Подговорила я пацанов (мы одинаково ненавидели иностранный!), и мы подкараулили полиглотку вечером за домом.

Отметелили её от души, натешились за всё. И предупредили: если скажешь маме-папе, кто бил, то отомстим страшно, сегодняшний день праздником покажется. А она только плакала и просила:

– Не бейте больше, никому не скажу!

И так противно было — не передать! Лучше бы кусалась, царапалась... Размазня! Я от отвращения в самом конце так ей по коленке саданула, что она хромала месяц.

Но, и вправду, ничего своим не рассказала, струсилась. Они, наверное, и до сих пор считают, что их чадо обидели тогда незнакомые хулиганы.

А губочки она больше не поджимала, нет. Наоборот, здоровалась с нами за километр и всем троим делала письменные «домашки» по английскому. Зауважала, значит, умница.

* * *

Итак, работу надо было искать другую. Лучше всего, конечно, опять секретаршей.

И это смотря где устроиться, ведь в каждой конторе свои подводные камни. Да и риск есть: а вдруг опять кто-то вот так же узнает?..

Но, говорят, снаряд два раза в одну воронку не попадает, и я решила идти по знакомому пути. Пришлось по старой дружбе поднажать на Славика, ведь у него в автосервисе постоянные клиенты с хорошими связями.

Славик тут же помог (вот как просто его шантажировать!), и я опять неплохо устроилась. Сам начальник оказался слишком уж верным и к тому же старым, на меня заинтересованным взглядом не смотрел. Но зато заместитель его — то, что надо! И холостой, что значительно проще.

Я выведала, что у зама, Сергея Ивановича, есть девушка, с которой он давно встречается. Узнать, что она собой представляет, было делом техники.

Задача «отбить» была решаемая в два счёта. Удивительно даже, как это до меня на Сергея никто не позарился? Девушка его — такое себе ходячее пособие по гражданской обороне; ни кожи, ни рожи. Подруга детства! В одной, значит, песочнице лепили с Серёженькой куличики из дерьма. Это разве соперница?! Перестарок. А корчит из себя...

Сергей Иванович (я просто и мило спросила, можно ли мне сразу называть его «Серёжей») торчал на работе постоянно — у меня на глазах. Тут и усилий — на копейку: хороший макияж, «ударная» юбочка и загадочное лицо. И всё!

Кандидат «поплыл» так быстро, что и сам не заметил. Он сразу стал моим любовником, причём был уверен, что это он сам меня соблазнил, а не я подстроила. Я произвела умелое впечатление о себе как о личности непростой, умной и в то же время нежной, чуткой и эмоциональной,

поэтому своей «победой» Сергей ужасно загордился. Мы начали встречаться открыто, и все в конторе стали считать нас парой.

Люсеньке своей Сергей тут же дал отставку, но она, хитрая бестия, заявила, что ждёт ребёнка. Серёжа пришёл ко мне с этой новостью совершенно растерянный, а я в пять минут доказала ему, что это просто дешёвый шантаж.

— И подумай сам, дорогой: что это за отношения, если любовь ушла? Какой она подлый трюк придумала, надо же! Это, если хочешь знать, распоследнее дело — вот так удерживать мужчину!

Сергей нервничал, метался, ведь Люся твёрдо сказала, что рожать всё равно будет. А признает он ребёнка или нет — не имеет значения.

Ишь, простушка простушкой, а попала в точку: это и есть самое действенное средство! Мне чисто из принципа не хотелось упускать Сергея. Почему я должна нарушать свои планы?! Надо было срочно переиграть ситуацию, иначе разговоры типа «там же растёт моя кровинка» мне железно обеспечены. Кому это надо?

И я отправилась к нахалке прямо на дом. Разговор у нас получился интересный! Она сказала, что после меня (так и сказала, паскуда!) ей Сергей не нужен и даром.

— Так чего ты тогда в него вцепилась, а?!

— Вы что-то путаете, я не собираюсь с ним даже разговаривать, а вы говорите — вцепилась.

Она мне так нагло и вежливо «выкала», что хотелось растерзать её на куски прямо тут же. Ишь, интеллигентка какая!

В общем, я посоветовала ей не глупить и сделать аборт, тогда всем станет легче — и ей в первую очередь. Если она не хочет отобрать Сергея, то зачем ей «довесок» от него? К чему ставить крест на личной жизни? Вот чисто по-человечески я ей это сказала, по-хорошему.

А она посмотрела на меня так, как будто я кусок навоза. И снизошла, как рублём одарила:

— Ребёнок не виноват ни в чём. Он уже есть, и он будет жить. Так и передайте Сергею Ивановичу.

То есть это она ещё и решила, что меня к ней Серёжа прислал?! Ну вообще...

— Слушай, курица безмозглая! — она довела меня до настоящей ярости. — Если деньги на аборт надо, ты получишь! И моральную компен-

сацию, между прочим, тоже! Сколько ты хочешь?! Просто назови сумму, и хватит выкаблучиваться! К чему эти игры в кошки-мышки, когда мы прекрасно друг друга понимаем?!

— Я-то вас понимаю, — кивнула она. — А вот вы меня никогда не поймёте, не тратьте силы.

И, главное, опять — спокойненько так, вроде решает, какие ей туфли купить, а не судьбу сама себе через колено ломает.

— Ах-ах, не понимаю, значит, я?! Да я тебя насквозь вижу! Родишь — и будешь Сергея изводить, лезть ему на глаза как бы невзначай со своим ублюдком! А он тебя не любит, понимаешь?! Не любит!!! Гордость надо иметь!

— Да не беспокойтесь вы так, — улыбнулась она. — Я на днях уезжаю навсегда, и очень далеко. Никогда Сергей не увидит своего ребёнка, уж об этом я хорошо позабочусь!

Ну так бы сразу и сказала, а то...

— Слава тебе, господи! — воскликнула я. — Значит, ты гордая, это плюс. Только не врешь ли, дорогая?

— Я вам ничего не собираюсь доказывать, — усмехнулась она. — Даю вам слово, что мы с вашим (она нарочно сказала «с вашим»!) любимым никогда и нигде не пересечёмся.

...Интересно, а куда же она подается? Сергей говорил, что у неё родители в каком-то дальнем посёлке живут. Туда, может?

— Тогда скажи Сергею, что уезжаешь и сделаешь аборт! — предложила я. — Чтоб потом не искал своё чадо.

— Да сами и скажите что хотите; мне всё равно.

Крыса тупая! С какого перепугу я должна Сергею признаваться, что была у неё?! Да ладно, придумаю что-нибудь. Главное, цель достигнута. И пусть катится поскорее!

И я сказала:

— Вот и договорились. Он тебе, наверное, позвонит, так ты подтверди.

— Конечно. Как не помочь хорошим людям? (Ладно-ладно, ухмыляйся, стерва. Всё равно я победила.)

На том и расстались, а вечером я как бы невзначай сказала Серёже:

— Я случайно узнала, что Люська хочет сделать аборт и уехать к своим.

— Да?... — изумился он. И непонятно было, рад

или нет. Ведь он уже вроде как привык, что у него должен родиться ребёнок.

— А ты сам спроси! — рассердилась я. — Думаю, ты имеешь право знать, как твои дела решаются!

Он ничего не ответил, но на другой день я уже по его лицу поняла: звонил. Я ничего не спрашивала, зачем лишний раз обсасывать тему? В его глазах, по-моему, явно читалось облегчение и некоторое неверие, что проблемы больше нет. Или сожаление?..

Нет, о чём жалеть? Он же меня любит, вот меня и выбрал. Поставил точку — и молодец.

* * *

Вспомнила я, кого мне эта Люська, Серёжина бывшая, постоянно напоминала! И, главное, даже внешне немного похожа, не говоря уже про голос, речь... И ещё есть что-то неуловимое.

Жила с нами на одной площадке семья: мама и дочка Голубевы. Мои родители с соседкой не общались, только «здрасьте-до свидания», а вот с Анькой Голубевой, моей ровесницей, я даже дружила. Торчали мы то у меня дома, то у неё ещё с горшкового возраста.

Моя баба Нюра Аньку привечала, называла «тёзочкой-козочкой» и часто рассказывала свои сказки нам обеим. Анькина мама, тётя Наташа, бабу Нюру очень благодарила за такое внимание к своей дочке, и бабушка часто говорила моей маме, что она соседей любит и жалеет.

— Золотая душа у Наташки, дай ей бог здоровья и хорошей судьбы! — восклицала бабушка.

Моя мама при этом делала губки бантиком и обязательно озвучивала, что не видит причины уважать какую-то там «мать-одноночку». Она так часто это повторяла, что я однажды спросила у соседки:

— Тётя Наташа, а что такое «мать-одноночка»?

Та удивилась и смутилась:

— Ты где такое слышала?..

— Моя мама всегда вас так называет.

Тётя Наташа, я помню, охнула, закрыла лицо ладонями и замерла, покачиваясь:

— Господи... — и заплакала тихонько.

— Тётя Наташа, вы чего? — поразилась я.

— Я ничего, деточка, не обращай внимания, —

она попыталась улыбнуться, смахнув слёзы с ресниц. — Глаз чего-то зачесался.

Но я догадалась, что сказала обидное. У мамы спрашивать не стала, а задала тот же вопрос бабе Нюре. Она всплеснула руками:

— Вот тебе пожалуйста, наслушалась! Ты не смей больше эти глупости болтать, не смей!

И добавила сочувственно:

— Это нехорошие люди только так говорят, а ты не повторяй. Если женщина одна, без мужа, ребёночка растит, то ей, значит, не повезло сильно. Её пожалеть надо, а не осуждать! Ты и сама взрослой женщиной станешь, и кто знает, как жизнь сложится?.. Понимаешь? Не бросай грязью ни в кого, нельзя так.

Мне было лестно, что баба Нюра говорит со мной, крохой, как с равной, и я торжественно покланялась:

— Обещаю впредь быть осмотрительной, теперь я в курсе дела!

Бабушка расхохоталась:

— Ой, не могу! Прямо начальница растёт!

А я просто повторила слова мамы, которые мне однажды запомнились, потому что я не могла понять: в каком это КУР и почему мама сидела? Она же сама сказала: «Я в КУР сидела!» Интересно!

В общем, подрастали мы с Анькой обе, и вместе пошли в школу, в один и тот же первый класс. Продолжали, конечно, дружить, хоть нас и посадили за разные парты, по принципу «мальчик-девочка». Мы часто вместе делали уроки, но Голубева училась хорошо и легко, а мне этот процесс осточертел быстро, и я давала себе труд только списывать у Аньки, и больше ничего.

И вот когда в седьмом классе к нам пришла Светка Кулакова (та, что научила меня лёгкому заработку на скамейке), я сразу увидела, что дружить с ней гораздо интереснее. Она была абсолютно раскрепощённая, более взрослая, что ли... Не то что Голубева, которая до этих лет ещё в куклы играла: то шила на них, то вязала... Умрёшь от скуки!

Но всё-таки дружба с Анькой погибла не сразу: я долго пыталась ей пояснить, как со Светкой интересно, как много полезного она уже знает о жизни. Но Анька меня не очень поняла, а зря. Наоборот, стала меня сторониться!

В общем-то, Голубева мне становилась уже в

тягость, и в этом охлаждении отношений я никакой беды не видела. Наш окончательный разрыв был легко предсказуем, но случился неожиданно.

А было так: на свой день рождения я пригласила тех, кого приглашала всегда (Аньку — самую первую!), плюс Кулакову. Светка, к моей радости, сразу согласилась, только спросила:

— А шампанское хотя бы будет? Или как в ясельной группе: ситро, метро и барбариска?

Она заржала, и я тоже.

— Конечно! — лихо пообещала я. — И не только шампанское, но и кое-что ещё!

И я (сама не знаю, как вырвалось!) сказала, что будет виски «Белая лошадь»... Я слышала, как отец хвастался приятелю, что ему подарили это за какую-то важную услугу.

Бутылка стояла на почётном месте в шкафу, в баре. Но открывать виски для Светки было чистым бредом. А я ляпнула!..

Всю неделю до праздника я была просто сама не своя. Какая там «Белая лошадь», я и про шампанское брякнула сдуру! Кто мне разрешит?! И что теперь делать?..

Пришлось признаться отцу про своё обещание Светке... Я сделала это по-хитрому, то есть сначала, опустив печально глазки, поведала папе, что могу открыться только ему, потому что он один меня понимает, не то что мама... И папа, растаявший на глазах от доверия взрослеющей дочери, согласился:

— Ладно, шампанское я куплю. Но только одну бутылку и только полусладкое!

Это была победа, и про виски, конечно, я и заикнуться не посмела. Понимала, какой это наглёж.

Я надеялась, что Светка про виски забудет, ведь шампанское-то есть! Но Кулакова не забыла, а съехидничала, когда увидела накрытый стол:

— Так и думала, что про виски ты просто трюндишь.

Я пропустила замечание мимо ушей, да и Светка не стала заикливаться: нет так нет. Она ведь пришла первой, вручила мне подарок — солидную купюру в конверте. Вот молодец! И теперь в ожидании других вела светскую беседу с моим папочкой, совершенно обалдевшим от длины Светкиных ног.

Второй явилась Анька, хотя ей идти ровно четыре секунды. Но она никогда и никуда не опаздывала, такая уж уродилась. Она принесла мне подарок типично в своём духе — самоделку. Вбила себе в голову сто лет назад, что лучшее — это «своими руками», потому что оно «от всей души».

Я всегда воспринимала это терпимо, потому что привыкла. Да и откуда у Голубевых деньги? Смешно.

Но в этот раз подарок вручался при Светке, которая тут же из любопытства «подошла глянуть». Я понимала, что ей просто хотелось сравнить, переплюнет ли кто-нибудь её «конверт». Ну-ка!

И я, сгорая от стыда, наблюдала, как Светка двумя точёными пальчиками подхватила Анькино изделие — лёгкую ажурную кофточку, — оценила и, хмыкнув, возвратила мне, сопроводив комментарием, что вот, мол, какая гостя рукодельница! Хоть сейчас неси на рынок — с руками оторвут.

Сказала, конечно, с иронией, как умела только она. И вот говорю точно: самый крутой мат прозвучал бы не так обидно, как этот комплимент. Кофточка была красивой, что правда, то правда, но связанной из простецких недорогих ниток. И теперь, после Светкиных глаз, носить это не было никакой возможности. Она права: барахолка и есть барахолка.

Анька покраснела до корней волос, а так как она и по жизни была красно-рыжей, то лицо у неё практически слилось с причёской.

— Раскраснелась красна девица, аки маков цвет! — подбавила Светка, снова якобы шутя.

Я понимала, в чём дело. Не в кофточке, конечно, шут с ней. А дело в том, что недавно наш молодой историк Юрий Петрович, в которого были влюблены все девчонки школы, в очередной раз вызвав Кулакову к доске, не просто поставил ей «кол», а ещё и обидел до невозможности, потому что сравнил её с Голубевой. Ну, не с самой Анькой, конечно, а с её блестящими ответами и глубокими знаниями.

— А тебя, Кулакова, я и вызывать боюсь! — заявил он. — Горько и стыдно слушать твой жалкий лепет и косноязычную речь. «Типа конкретно, зуб даю!» — ещё и передразнил он.

Светка и в самом деле разговаривала как уго-

ловница, отмотавшая не один срок. Откуда только набралась?.. Думала, что круто, а на самом деле — коробило. Но никто не решался ей об этом сказать: Кулакова могла и в челюсть захватить, «не отходя от кассы». Не решалась, конечно, и я, а, наоборот, старалась разговаривать со Светкой так же точно. А тут...

Юрий Петрович ещё и добавил, разозлившись на вечную тупость Кулаковой, что внешность — это далеко не всё, и иногда яркая оболочка прямо пропорциональна яркости личности, её имеющей. Вот именно так и сказал, слово в слово! Что в переводе означало: ну и дура ты, Кулакова, дальше некуда, ни рожа не поможет, ни ноги от ушей.

И я бы на Светкином месте возненавидела и историка, и Голубеву — чего там... Поэтому слова Кулаковой и её манипуляции с Анькиным вязанием я тут же мысленно одобрила, хотя вслух постаралась заглядить.

— Спасибо! — сказала я Аньке с преувеличенной сердечностью. — Отлично связала, молодец! Проходи, располагайся.

Но Голубева внимательно посмотрела на меня и тихо сказала:

— Носи на здоровье. А остаться не могу, извини. Не хочу портить аппетит твоим новым друзьям.

И была такова. Нет, ну вы видели?! А ещё и воспитанной себя считает! Но ушла и ушла, не бежать же за ней, правда? И Светка тоже согласилась, что бежать за Анькой унизительно.

— Она сама выбрала уход! — заключила Светка.

Тут стали подходить другие гости, и веселье удалось на славу. И даже хорошо, что Голубева не осталась, ну её!

С того дня Анька упорно делала вид, что нас никак не связывают годы дружбы. А наоборот — что более безразличного ей человека, чем я, вообще нет на свете.

Она была холодно-вежлива и на попытки улучшить отношения отвечала явным презрением, и мне надоело. Овчинка не стоила выделки: тоже мне счастье — нищая Голубева!

А потом, когда Светка уже не училась в нашем классе, я ещё раз (искренне! от сердца!) хотела наладить отношения с Голубевой. Честно говоря, мне её почему-то не хватало.

Но Анька и не думала возвращаться к старому,

а назвала меня назойливой мухой, «которая слов не понимает». Ладно! Я, значит, муха?! И это после стольких лет бок о бок?! Ну что же, лиса конопатая, я обид не прощаю.

Одним из самых любимых моих фильмов был мексиканский — «Есения». Это там обиженная героиня восклицает: «Я цыганка, а цыгане не учили меня прощать!»

Мне это до того понравилось, что я сделала фразу своим девизом. А ведь верно: почему надо кого-то прощать? Обидели — отвечайте.

Значит, и Голубева должна была получить достойный отпор. И я начала искать, как. А кто ищет, тот всегда найдёт, тем более я. Чтобы я — да не изобрела? Быть такого не может!

И я придумала.

В нашем классе математику преподавал Василий Кузьмич, уже старенький, но работающий пенсионер. Он был хорошим, опытным учителем, хотя с памятью становилось всё хуже и хуже. Причём интересно: что касается его предмета, то тут он не забывал ничего; а вот фамилии учеников в его дырявой голове не держивались. До смешного доходило! Например, Сашка Петров мог вполне назваться Мишкой Василенко, и хоть бы что: Василий Кузьмич примет за чистую монету! Сколько мы его дурили, не счесть.

Так вот этот учитель имел одну многолетнюю привычку: если ему кто-то что-то недосдал или недоответил (например, раздался звонок, а ученик ещё у доски, не успел решить), то Василий Кузьмич ставил в журнале точку. Эта точка означала, что до следующего урока — надо задолженность ликвидировать. Когда угодно, хоть и на любой перемене. Если же математик открывал журнал на новом уроке и видел незакрытые точки, он тут же превращал их в двойки. Потому что, значит, не сдано!

И, конечно же, те, кто учился более-менее, бежали сдавать «точки» впереди паровоза. А то снизит математик оценку в четверти до тройки и глазом не моргнёт.

Я с этими проблемами никогда не парилась, а Голубева — та ведь отличница, ей точки не нужны.

И вот что я придумала: попросила Валерку, лаборанта физкабинета (нашего же выпускника, с позапрошлого года), чтобы он в журнале

сделал Аньке пару точек на страницах алгебры и геометрии.

Дело в том, что наш физик — директор школы — имел привычку иногда, после шестого урока, оставлять журнал нашего класса в лаборантской, если назавтра наш урок был первым. Ну чтобы утром не брать в учительской. Вообще-то не положено, но кто директору укаж?

Подошла я, значит, к Валерику, хорошенько попросила, и не бесплатно: купила ему блок дорогих сигарет. На какие деньги? Всё та же скамейка! Валерка обещал всё устроить и сделал.

И вот представьте картину: открывает Василий Кузьмич журнал и начинает объявлять своим противным голосом:

— Так-так... Точки, значит, у нас сегодня перетекают в двочки у следующих нерадивых учащихся...

И пошёл перечислять. Обычно это два-три человека. А он говорит:

— Двочка сегодня у Голубевой, причём... — (Он сразу просматривал обе свои страницы.) — ... причём не одна, а сразу две. Поздравляю.

И влепил, конечно, Анька не успела и удивиться. Но всё же попыталась возразить:

— Василий Кузьмич, как же так?.. У меня долгов нет, я точно знаю!

— Все так говорят, — устало парировал учитель своей коронной фразой. — Не будем усугублять. Итак, новая тема...

Значит, мой номер удался! Я ликовала, глядя на слёзы Голубевой, которая расстроилась дальше некуда. А пусть!

Но радовалась я только один день, потому что беспамятный Василий Кузьмич к следующему уроку неожиданно «прозрел». Кто бы мог подумать!

— Голубева, — сказал он. — Я должен извиниться перед тобой. Честно, я не помню, как и когда поставил тебе точки, но меня взяли сомнения. С памятью у меня, конечно, гм... гм... проблемочки, да вы знаете; но не до такой же степени! Я вчера поднял все твои контрольные — там и четвёрки ни одной нет, всё сплошь отлично, и твою золотую — во всех смыслах — голову я прекрасно знаю. Так что точки эти я отменяю.

Это было совершенно невероятно. Впервые! Ах, скажите, пожалуйста, такая, значит, выдаю-

шаяся и гениальная Голубева?! И обидно, что целый блок сигарет я ни за что отдала!

И тогда я придумала другой план, похитрее и побольнее. Дело в том, что Аньке всегда нравился Витька Крылов. Ещё с первого класса! А Витька ну нисколько на неё внимания не обращал. Всегда дразнил «рыжая-бесстыжая».

И вот я начала атаковать Витьку любовными записками, якобы от Голубевой. То в портфель подброшу, то в ящик почтовый — не поленюсь (дом рядом!), то ещё как-нибудь. В общем, достала его основательно.

И вот после очередной записки, удачно засунутой в карман его куртки в раздевалке, он при всех (что особенно меня утешило) зло сказал ей, брезгливо так:

— Слушай, Голубева, если бы ты знала, как ты мне противна, то ты обходила бы меня десятой дорогой. Поняла?!

Вот это были слёзы! С теми, математически, не сравнить!

Но закончилось тоже неожиданно: через три года, к одиннадцатому классу, нескладёха Анька вдруг за одно лето превратилась в такую шикарную деваху, с такой фигурой, что меня, например, даже переключило от зависти. И то, что раньше её уродовало, — засияло, засверкало, как бриллиант на солнце. Оказалось, что у Аньки огромные голубые глаза совершенно исключительной красоты; шикарная матовая кожа, которую не сделаешь никакой «тоналкой». Да и вообще...

Ну вот где справедливость, где?! Все самые симпатичные наши девчонки померкли перед ней в один день! Если бы я сама не видела, то никогда не поверила бы, что так бывает.

И Витька Крылов потерял голову и аппетит. Но напрасно: Голубева больше им не интересовалась. И, насколько мне известно, Анька, уехав потом поступать в Москву, попала в университет с ходу и, говорили, в том же году вышла замуж за молодого доцента. С квартирой, между прочим, и столичной пропиской! Я с тех пор её больше и не видела, а тётя Наташа почему-то больше совсем не хотела со мной разговаривать.

Вот такой, значит, богатый выбор получился у бывшей моей подружки. Повезло. А за что, за что?

И именно эту Аньку Голубеву и напомнила мне во всех деталях ненавистная Люська, чтоб ей добра не видать.

* * *

Когда я заканчивала школу (и чего я поёрлась в одиннадцатый класс? могла бы уже давно освободиться! А всё мама: учишься, учишься!), мне пришлось решать ещё одну крупную проблему: химичка собиралась поставить мне годовую двойку.

Я и так не любила учёбу, а химию ненавидела до дрожи. А химичка наша, Татьяна Степановна, была тётка принципиальная, злая. Причём злая не ко всем: к хорошим ученикам относилась по-другому, разговаривала совершенно иным тоном, могла и поблажку сделать.

Меня же она гнобила при любом удобном случае. И при этом была ещё и нашим классным руководителем. Но это же совсем неумно, когда классная дама сама снижает успеваемость собственного класса. Да и откуда у неё ум, она же элементарных вещей не понимала!

Вот до неё — с пятого по девятый класс — у нас была другая классная, Алла Петровна. Так с ней я легко находила общий язык, потому что Алла Петровна хорошо понимала, что есть главное в жизни, и отлично умела лавировать в водовороте событий. Меня она выделила как девочку смышлённую, которая умела догадываться и без слов. Поэтому жили мы с ней душа в душу; и, кстати, оценки по географии у меня всегда были приличные, потому что Алла Петровна умела быть благодарной. Я до сих пор во многом беру с неё пример: тихо, без афиши всегда добиваюсь своего. Если не получается сразу, то надо спокойно выждать, и момент обязательно придёт.

Никто и не знал о нашей дружбе и об одном важном договоре, выгодном нам обоим. Сразу, как только Алла Петровна взяла наш пятый класс, она, оставив меня после уроков, попросила:

— Инга, мне очень нужна толковая помощница. Это необходимо для блага всего класса, понимаешь?..

Я тут же поняла, что надо делать. Правильно! Руководитель просто обязан знать всё обо всех,

кем он руководит, иначе он плохой начальник и грош ему цена.

И я стала помогать. Каждый день после уроков я заходила к ней в подсобку, где хранились разные карты, и кратенько рассказывала самое главное. Алла Петровна предусмотрительно назначила меня старостой, чтоб ребята не косились, и я (как будто бы) докладывала ей об отсутствующих, поурочно. А то есть такие, которые на первом уроке сидят, а потом — ищи-свищи их! Дисциплину надо соблюдать.

Я всегда восхищалась, как Алла Петровна умно, ловко и аккуратно умела воспользоваться новыми сведениями. За столько лет на меня никто даже не подумал, до чего осторожно она всё разруливала. Правда, Аллу Петровну никто, кроме меня, не любил. Даже, можно сказать, ненавидели. Говорили, что лезет во все щели, как таракан, вот всё ей надо!

И меня начали недолюбливать из-за неё, ведь я одна считала Аллу Петровну хорошей. А Лёшка Липинский — тот вообще приклеил мне кличку, как ярлык: «Инга-рапорт». Я ведь Раппопорт, вот он и сократил, остроумец дебилный. Очень обидно!

Но когда мы перешли в девятый класс, Алла Петровна отдала нас химичке, а сама снова взяла пятый. И начались мои мучения!

Я, как нормальная староста (Татьяна Степановна не возражала, чтобы так и оставалось дальше), сунулась было к ней со списком, где подробно описала, кто и чем недоволен в этом классе, чтобы у неё было общее представление, а она... До сих пор противно вспоминать! Она мой список взяла, прочитала зачем-то вслух, поглядывая на меня, потом порвала бумагу на моих глазах на мелкие кусочки и демонстративно их выбросила. И спросила ехидно:

— Это тебя папа с мамой так надоумили или уже опыт есть?

Я даже растерялась, а она предупредила:

— Ещё раз подобное выкинешь — опозорю перед всем классом. Пусть знают, с кем они учатся!

Но всё-таки потом смягчилась:

— Я очень надеюсь, Раппопорт, что ты просто не ведаешь, что творишь. Давай пока так: сегодняшнее я забуду, как будто и не было ничего. Я верю, Инга, что ты больше этого никогда не сделаешь. Ведь доносить — это гадко, понимаешь?

Я расплакалась, и она приняла это за раскаяние. Пожалела даже:

— Ну вот, видишь, и самой противно. Нельзя так! Поняла? Ладно, беги. Я вижу, что до тебя дошло. И не плачь, детка.

Да, поняла я прекрасно, что химичка никогда и ничего значительного в жизни не добьётся. И ходить к ней не надо, не тот случай. Ну и ладно: баба с воза... А я-то надеялась, что с оценками по химии устрою себе облегчение, а вышло наоборот! Татьяна Степановна лепила мне двойки щедро и часто, при этом прибавляя, что я лентяйка редкая.

— Да я терпеть не могу вашу химию! — не выдержала я однажды. — Поэтому учить не хочу и не буду!

— Если б одну только химию, то я бы поняла, — ответила она. — А у тебя по всем предметам дохлые тройки, которые от двоек отличаются чисто символически.

— Так и вы поставьте дохлую тройку, вам-то что мешает? Или так жалко?! — мне надоело уже быть с ней вежливой, всё равно толку — ноль.

— Мне мешает моя учительская совесть, — заключила она, давая понять, что разговор окончен. — Тройку я тебе не поставлю никогда, понятно?

И вот что делать?! А если мне нужен будет аттестат для поступления, ну вдруг?! А химичка — она такая принципиальная, все знают. Значит, выхода нет...

Нет?! Для меня?! А фиг вам, как в том мультике. Я долго думала, как быть, даже голова вспухла; но выход нашла. И, по-моему, гениальный.

Дело в том, что муж Татьяны Степановны тоже трудился в нашей школе, преподавал физкультуру. Нормальный такой дядька, с юмором. Тоже принципиальный, но у меня с его предметом были мир и дружба, твёрдая четвёрка, поэтому он ко мне относился хорошо. Я даже с ним иногда слегка кокетничала, и он охотно принимал игру. А что такого? Руслан Николаевич интересный!

Вот его-то я и собиралась использовать, но мне нужен был помощник. Для этого идеально подходил Митька Крохин из параллельного класса. Он давно меня «клеил», но совсем не нравился: маленький, прыщавый... Митька всё свободное время проводил в спортзале, дружил с физруком и явно мечтал то ли выра-

ти при помощи спорта, то ли хотя бы тело красивое занять. И, надо сказать, с телом у него действительно получилось: хоть и невысок, зато силён, хорошо развит.

Именно Крохин и должен был мне помочь. Я зазвала его в укромный уголок и изложила просьбу. Сказала откровенно, как, что и зачем. Иначе, если он не будет точно представлять мои цели, может сплеховать. За услугу я, глядя ему прямо в глаза (на мужиков это сильно действует, проверено), твёрдо пообещала:

– Благодарность – натурой.

– То есть как?.. – растерялся он.

Мальчик, что ли? Наверняка да. Ну что же, пора и начинать.

– Как-как! Натурой! Что непонятно?! Будет всё, что ты захочешь.

Он растерялся, вспотел даже, телёнок. Но видно было, что обрадовался. Задрожал!

– Я готов... Я всё сделаю!!!

Ну вот и лады. Всё-таки сильно я ему нравлюсь, это всегда приятно.

А надо было так: я приду к Руслану Николаевичу в спортзал после уроков, там у него сбоку своя подсобка есть. А Митька – тот же постоянно рядом трётся. И вот я начну заигрывать с физруком, о чём-нибудь говорить, шутить... Ну или можно придумать, что дело у меня к нему. Не суть! Главное, чтобы мы разговорились. И я как бы невзначай постараюсь рядом сесть, за руку его взять... Короче, как пойдёт. А если Руслан Николаевич вдруг «клонет» по-взрослому – так это вообще идеально.

Задача Митьки – сделать с нас такие фотки, чтобы было видно: между нами явно есть связь.

Митька догадался:

– Химичку шантажировать хочешь?

Я кивнула. Умный мальчик!

– Ой, смотри... – усомнился Митька. – Выгорит ли? Как бы хуже не было...

– Хуже и так некуда! – отрубил я. И напомнила: – Расчёт в любом случае за мной. А если всё хорошо получится, то потом – ещё раз.

– Согласен! – покраснел Митька.

И получилось – пальчики облизешь! Мне удалось выманить Руслана Николаевича из подсобки в зал: мол, одно упражнение для спины на шведской стенке порекомендовали, посмотрите? Как ваше мнение? Возле этой стенки я его и

заболтала; всё жались к нему то справа, то слева... А он совсем не был против, сам начал свои грабли протягивать, хи-хи да ха-ха.

Митька, молодец, щёлкал нас из-за спины физрука, а тот – ни сном ни духом. А снимочки вышли – хоть в «Плейбой» посылай! Даже лучше, чем я ожидала.

С Митькой я рассчиталась в тот же день и пообещала потом повторить. А как же, по-честному! Он, как я и думала, оказался новичком, но вполне справился и очень собой загордился.

Фоточки – новые, красивые! – я сложила в конверт и пошла прямо... нет, не к химичке. К её мужу!

Пришла, предъявила (наедине, конечно!) и поставила условие: пусть как хочет, но если супруга его дорогая мне три не поставит, то я эти фотографии знаю куда отнести и кому показать. Педофилия! Вы в курсе, Руслан Николаевич?!

Вы бы видели, как он сник. Ну буквально только что поигрывал мышцами и опять тянул лапы к сладким местам, а тут – как уксуса выпил, испугался сильно.

– Ты же... ты же знаешь, что моя Таня никогда в оценке не уступит!.. Ты что?..

– Так вот и объясните ей, что в данном (!) случае уступить придётся. Вы поняли?

(Я чувствовала своё могущество и упивалась им: удивительная штука!)

Не стала говорить лишних слов, чтобы не портить эффект. Предупредила только (как в кино!), что негативы в надёжном месте. Так-то!

– Крохин снимал?.. – обречённо спросил физрук.

– Именно, – подтвердила я. А что, Митька всё равно выпускник уже, ему-то какая разница? Да и без моего ответа было ясно, что больше некому.

Я с трепетом ждала. Кто ж её знает, эту Татьяну Степановну?! Вдруг не испугается?..

Но она испугалась, и я снова возгордилась своим умом и практической смёткой. Утром химичка позвала меня в кабинет и, пряча глаза, глухо сказала:

– Ладно, Раппопорт. Получишь ты свою тройку...

Сказала – и отвернулась. Я постояла, дождала немного: может, ещё что скажет? Попросит? Мол, отдай сама знаешь что...

Нет.

Ну нет так нет, я своего добилась, и фотки останутся в прошлом, как и не было ничего. Честно говоря, я бы их всё равно никому не показала; зачем мне такие разговоры?

Это был чистой воды блеф, и химичка поддалась. Тоже ведь правильный выбор сделала. Важный для меня!

Вот так и получила я обычный аттестат и на выпускном пела и веселилась не хуже других. Заслужила. Да ещё и переделу на днях в квартиру, уже купленную Славиком. Жизнь удалась!

А одноклассники немало удивлялись:

— Вот тебе раз! А говорила Татьяна, что двойку тебе сто процентов поставит!

Я хмыкала, пожимала плечами и отвечала:

— Так это ж только в сказке Баба Яга взяток не берёт, да и то не всегда. Запомните закон жизни: кто не берёт деньги, тот берёт большие деньги!

— А кто не берёт большие? — поинтересовался очкарик-медалист Севка Жуков, которого я, как и всех умников, на дух не переносила.

— Тот, милый мой, берёт очень большие деньги! Понял, академик?!

— А я бы всё равно не взял, ни за что! — возмутился Севка.

— А тебе и не предлагали! — резонно заметила я.

Что, скажете, не права? Права! И Севочка будет иметь возможность убедиться, ведь в жизни ещё и не такое будет. Всё впереди, выпускник!

* * *

Уютная квартирка, в которой я жила уже почти два года, требовала денег. А как же! Хотелось, чтобы всё было красиво.

Когда я вселялась, самое необходимое там уже стояло. Это я потребовала у мамы: раз я освобождаю жилплощадь для её счастливой семейной жизни, то пусть она примет участие и в моём устройстве. И мама без лишних слов купила и кухонный набор, и мебель для комнаты. А я ещё немножко поднажала и на Славика, и он опять, опасаясь моих разоблачений, помог: прикупил холодильник, телевизор, ну и кое-что ещё, необходимое для полноценного быта.

И вот когда Серёжа (Сергей Иванович!) окон-

чательно успокоился насчёт канувшей в неизвестность Люськи, я начала заключительный этап давно выстраданной операции под кодовым названием «вуз», что на самом деле расшифровывается как «выйти удачно замуж».

Мы встречались пока только у меня, к себе в квартиру Сергей упорно не звал.

— Мне неловко, там полный беспорядок, — объяснял он. — Запущенная холостяцкая берлога...

Ничего, это поправимо. Главное, что квартиры в хорошем доме, в центре; в таких «хатах» метраж — на велосипеде за день не объедешь. Я не раз, проезжая мимо Серёжкиного дома, смотрела на боковое окно второго этажа, которое он мне однажды показал:

— Во-он оттуда я выглядываю на белый свет!

Да, окошечко, прямо скажем, грязенькое, хоть и огромное. Занавески даже нет. Мужик есть мужик, и если такой, как Сергей, до тридцати ещё не женился, то об уюте и речи быть не может. Но потом, после свадьбы, уж я займусь!

Тем временем у мамы со Славиком вышла крупная ссора, а за ней — ещё одна, ещё... Мама звонила мне и жаловалась, что Славик стал холоден с ней, постоянно что-то скрывает. Что ей плохо и тяжело.

А я ведь знала, что так будет. Сразу знала! Значит, теперь, совсем скоро, он её вообще бросит. Наверняка нашёл кого-то моложе, вот и придумывает поводы для ссор.

И я как в воду глядела! Не прошло и месяца — мама позвонила мне в такой истерике, что даже мобильник раскалился:

— Ты представляешь, он бросил меня!

— Представляю, — сказала я спокойно. Вот оно, случилось! Да он и долго ещё с ней жил, если честно.

— Нет, ты не представляешь! — патетически воскликнула мама. — А ты послушай!!!

Следующие десять минут, пока она вопила, можно было спокойно думать о своём; текст жалобы я знала наизусть: подлец, козёл, кобель блудливый и так далее. Выкричавшись, мама добавила:

— И главное, ведь машина-то теперь его! За-чем я, дура, подарила?! За-а-ачем?

— А я тебе говорила! — подливала я масла, разозлившись. — Ты разве слушала?! Есть ли у

тебя ум вообще: делать такие подарки с барского плеча?!

— Ты самого главного ещё не знаешь! — завывала мама. — Как ты думаешь, к кому он ушёл?!

— К бабе какой-нибудь. Ну не к мужику же! — сязвила я.

— Да не к какой-нибудь, а к своей жене бывшей! Мне сказал, что она его наконец-то простила и разрешила вернуться. Ну ещё бы не разрешить, когда он с таким подарочком, с новой почти что машиной!

Да, признаться, удивила. Значит, это любовь. Глухо! Нет у мамы надежды, что он передумает.

А мама продолжала разоряться:

— Я потребовала вернуть машину обратно, а он, представляешь, сказал, что и так дал нам с тобой значительно больше, чем она стоит! Мол, хоть у Инги спроси! И мы, значит, теперь в расчёте! Это что же?! То несчастное кольцо с бирюзой и пара юбок из паршивого магазина тянет на машину? Наглец!!! Наглец и вор, вот что!

Я прикусила язычок: хорошо ещё, что он подробно не объяснил, что имел в виду. А главное, за какие именно заслуги... Я отлично знаю свою мамочку: если она догадается кое о чём, то может и голову мне разбить. Плевать, что дочь родная! И второе: вот возьмёт и лишит меня наследства. Запросто сможет, чтоб отомстить. Квартира ведь теперь только её, я же выписалась... Вот и завещает какому-нибудь фонду, как грозилась однажды, когда мы с ней поцапались.

Так что тс-тс-тс!.. Спасибо Славику, что не сказал. Значит, и потом не скажет.

Мама ещё немного попричитала, и на этом наш разговор пока иссяк. «Пока» — потому что жаловаться и ныть мама любила больше всего на свете, хлебом не корми. А значит, слушать мне и слушать... Хоть бы нашла кого-нибудь побыстрее да и утешилась уже! Только по-умному, постарше кого-то надо, а то опять мачо пригреет. Она по жизни выводы делать не научена, и грабли — её любимый вид спорта.

Как раз в эти дни Сергей пригласил меня съездить в Прибалтику, и я с удовольствием согласилась. Он сказал, что это генеральная репетиция нашего свадебного путешествия.

У меня появился естественный повод выключить на время мобильник, чтобы хоть немного передохнуть от мамочкиных стенаний. Поездка

мне очень понравилась, и я в который раз с удовольствием представила, что наша с Сергеем совместная жизнь будет наверняка полна приятных событий и интересных впечатлений.

Когда мы вернулись, я позвонила маме сама. Надеюсь, что точка кипения уже пройдена и пошёл процесс успокоения. Но она меня невероятно удивила, когда после первых же слов восторженно завопила:

— А у меня дела — супер-р!

— Что? Вернулся?! — изумилась я.

— Нет, лучше! Намного лучше! — ликовала мама. И выдала шокирующий текст: — Он разбился в хлам, вот! Красота! Это бог наказал, отлились кошке мышкыны слёзки!

— Как разбился, когда?! Насмерть?..

— Да в тот же день, когда вы уехали. Не насмерть, но переломался хорошенько: и челюсть, и ноги. Да и вообще, его так помяло, что любо-дорого!

— А ты... Ты в больницу ездила? Откуда вообще узнала?!

— Позвонили. У него в кармане была старая квитанция с нашим телефоном, случайно.

— И что дальше было?

— А дальше я полчаса скакала на одной ножке от восторга! — едко сказала мама, явно смакуя событие. — Потом позвонила его жёнушке (давно номер срисовала в его мобильном!) и «обрадовала» её с большим удовольствием. Вот она к нему и ходит теперь, а выпишут — костыли ему в руки, и пусть забирает. А мне и дела больше нет до этого негодяя, теперь даже и машину не жаль.

— А её восстановить никак не получится? — уточнила я.

— Что ты, это теперь металлолом в чистом виде!

Вот оно, значит, как, «дядя Слава»... Честно говоря, и мне теперь было всё равно, что с ним и как теперь будет. Тут мама права: поделом! Теперь она была рада, что никаких официальных отношений не оформлялось.

— Мне ещё калеки в доме не хватало! — сделала она последний вывод, и о Славику было наконец забыто, как будто он и не появлялся никогда в её жизни.

А мы с Серёжей тем временем начали всюю готовиться к свадьбе. Я теперь постоянно при-

кидывала и рассчитывала, чтобы обустроить всё как можно удачнее.

Значит, так: жить у него, конечно; моя «однушка» пусть себе отдыхает, запас одно место не жмёт. Машина у него хорошая, дорогая, хоть и мрачновата по цвету. Но ничего, это же мужское авто; лично мне Серёжа наверняка купит яркую «Ауди», я уже наметила какую. Водить научусь: я не хуже других. Если всякие блондинки ездят, то почему я не могу?

Ну и так далее, мысли — одна приятнее другой, но самое первое — свадьба. Мне хотелось шик, по-настоящему дорогого торжества, чтобы все лопнули от зависти. Да и мама одобряла:

— Надо, чтобы на весь город прогремело! Это раз в жизни, не будем жалеть денег.

Конечно, деньги-то не её, вот и не жаль; тут Серёжа правильно подметил. Он, наоборот, считал, что не надо шум поднимать (нет, белое платье и ресторан — это святое!), но ни к чему устраивать шоу, лучше на эти деньги опять куда-нибудь поехать, ведь я же хотела свадебное путешествие, правильно?

В общем, да... Пришлось согласиться (иначе назревала серьёзная ссора), но было обидно, что задуманного мною фурора не получится.

Ладно, я потом возьму своё. Главную удачу я уже поймала: богатый, перспективный, на хорошем счету, в отличных отношениях с нашим боссом. Продвижение по службе и взлёт до самых облаков — всё это случится быстро и легко, потому что иначе и быть не может. Уже почти случилось!

Перед самой подачей заявления в загс Сергей познакомил меня со своими родителями. Вернее, это они пришли к нам в гости как бы «свататься». Мне это очень польстило: семья, традиции. Приятно, что ни говори, как в лучших домах! Основательные люди — сразу видно. И хотя мама потом сказала, что они ей категорически не понравились, я не согласилась.

Ожидая их, мы щедро накрыли на стол, но гости ели совсем мало, а от выпивки отказались вообще.

— Если человек не пьёт, то он что-то замышляет! — пошутила мама, поднимая первый тост «за знакомство».

Мой будущий свёкор отшутился:

— Конечно, замышляем страшное злодейство: дочку у вас умыкнуть!

Но пить всё равно не стал, как и свекровь. Нет так нет, пьянка — дело добровольное. Зато мы (я, Серёжа и моя мама) — хорошо отметили шампанским, и разговор пошёл веселее.

— Знаете, — заявила мама жениха, — как удачно сложилось, что бабушка завещала Сергею жильё! Уж как она его любила, бедная... Жаль, что не дожидала до такого события!

Моя мама при этих словах деланно пригорюнилась, глубоко вздохнула и промокнула салфеткой сухие глаза:

— Ой, и не говорите... Вот и моя мамочка не дожидала!.. А как бы радовалась! Да и отец Инги, муж мой покойный (царство ему небесное!) — тоже!..

И предложила второй тост: «За наших родных, которые всегда в нашем сердце!» Смотри-ка, умеет же сказать, если хочет! Я мысленно похвалила её за хорошее впечатление.

В общем, посидели мы неплохо, душевно так, и в скором времени сами нанесли ответный визит «сватам».

Они жили в скромной двухкомнатной квартире, и я про себя немало удивилась: сын — в центре, в таких хоромах, а они — так бедненько?.. Но свекровь сама объяснила:

— Нам ничего другого не нужно, всё есть. Да и не любим мы что-то менять; тут каждая вещь родная. Выбрасывать — это как предавать. Не можем мы!

Да не вопрос, у каждого свои тараканы в голове. Хотят спать на драном диване — пусть, раз он им такой распрекрасный. Главное, что у Сергея всё не так и далеко отсюда. Он-то амбициозный, целеустремлённый и прозябать на фоне старья не будет. А эти пусть тешатся воспоминаниями, мне какое дело?

...И вот наступил наконец наш день. Серёжа так подгадал, что после очень небольшого застолья в ресторане (не считая нас, только восемь человек) мы сразу же вечером улетали в Египет.

Я там, конечно, ни разу не была, но краем уха слышала, что по-настоящему обеспеченные люди туда уже и не ездят, ну да ладно. Может, Сергей этого не знал. Для первого раза сойдёт.

Перед самым бракосочетанием, дня за три,

вышла у нас небольшая размолвка. Да, в общем, и не размолвка даже, а просто недоразумение. Дело в том, что я настаивала на брачном контракте, а Сергей сопротивлялся:

— Это лишнее, пойми. Есть закон о браке и семье, этого вполне достаточно. И, знаешь, мне как-то не по себе от мысли, что мы будем как в магазине: что почём и кому сколько...

Но я всё-таки его уговорила, нашла аргументы. Мир ведь меняется, и надо идти в ногу вместе с ним, быть современнее!

Наш брачный контракт оказался не таким уж и сложным и весь сводился к одной здоровой мысли: отныне и навсегда, независимо ни от чего (развод, смерть и так далее), мы с мужем являемся равноправными владельцами всего нашего имущества. И не имеет значения, что это за имущество: наследство, подарок, выигрыш или что-нибудь ещё.

Проще говоря, я, например, становилась совладелицей квартиры Сергея (хоть это подарок бабушки!) и его машины (хоть она куплена до меня!). Хорошая бумажка! А то ведь по обычному закону всё это было бы только его. Ну, и моя квартира, конечно, тоже общая. Так что всё честно и прозрачно.

Отдохнули мы в Египте десять дней, накупались, назагорались — да и пора домой. Прилетели — и сразу из аэропорта поехали наконец-то, как и положено, «к мужу». Пора, пора осваивать новую территорию! По дороге заскочили в магазин, чтобы хоть сегодня с едой не заморачиваться.

Приехали, поднялись на свой второй этаж (ох и холл в этом подъезде, вот это размах!) и, открыв дверь, очутились в огромном длинном коридоре. На глаз — метров двенадцать, если не больше. Ух ты!..

Да, работы тут было невпроворот, это Сергей правильно предупреждал. Но я сразу же ясно представила, как из одного только коридора можно будет соорудить такую конфетку, что все только ахнут! Это не говоря уже о комнатах. Кстати, сколько их тут?

— Четыре, — ответил Сергей. — Моя — во-он та дверь в конце коридора, видишь? Проходи.

А я сначала не поняла, ткнулась было в первую дверь слева. Сергей остановил:

— Да не эта, тут Харламовых комната.

— Это что, коммуналка?! — похолодела я.

— Ну да, — даже не смутился муженёк. — А что? Мне от бабушки здесь комната и досталась.

— Ты... Ты!!! — я задыхалась от возмущения. — Ты зачем меня обманул?!

— Когда? В чём? — делал он непонимающие глаза.

— Ты прекрасно знаешь, в чём!

Я схватила за голову: вот это вляпалась так вляпалась! Видели идиотку? Если нет, то поглядите: вот она я, в анфас и в профиль...

— А контракт тогда какого чёрта было составлять?! — орала я в иступлении.

— Подожди!.. А ты... Ты вообще-то любишь меня?

Самый подходящий момент для лирических отступлений! Ну просто лучше некуда!

— При чём тут люблю-не люблю?! Любые отношения должны на чём-то строиться! Это что, так трудно понять?! А на чём мы с тобой строить будем? И где?! В этом общественном клоповнике?!

— Инга, что ты несёшь? — он попытался меня успокоить. — Комната у нас хорошая, большая, тебе понравится. И на кухне свой отдельный столик у нас есть. Пошли, всё покажу!

И он, как полный дебил, начал тянуть меня в эту вшивую кухню. Боже, тут же ещё и туалет общий! И ванная!..

— А машина? — вспомнив, простонала я в изнеможении. — Хоть она-то, я надеюсь, только твоя? Не коммунальная?!

— Машина моя, — кивнул он. — В кредит взял, вот потихоньку и выплачиваю.

— Отпад!.. — я заплакала.

Сил на разговоры у меня больше не было, и я, решительно оттолкнув дорогого муженька, подхватила свой чемодан и пулей вылетела из этого курятника.

Такси попало прямо у подъезда — и скорее домой...

Вот уж где наревелась так наревелась! А мой мобильный звонил и звонил, а я даже не хотела посмотреть, кто это наяривает. Просто пластом валялась на кровати и выла, как голодный волк на луну. Это теперь по моей же милости моя квартирка тоже общее имущество! И это я сама подписала, да ещё и с таким

удовольствием! Своими руками устроила!.. Ну хоть вешайся теперь, до того досадно!

А телефон всё не замолкал, и я наконец решила ответить: мама, наверное, жаждет общения, ведь знает, что мы сегодня вернулись.

Но звонила не она, а Сергей. Наглость какая! Что ему ещё от меня надо?! Захотелось ему так ответить, чтобы и дар речи отняло.

— Чего тебе?!

— Инга, подожди, не истери. Давай тогда купим квартиру, вот и всё... То есть обменяемся: твою однокомнатную плюс мою комнату можно запросто сменить на трёхкомнатную! Ведь коммуналка в центре стоит немалых денег.

Так, ясно. Я молча дала отбой. Ловко получается! У меня не будет, значит, своего запасного жилья?! Вот тварь, а?..

Что же делать? Может, развестись к едрене фене, да и дело с концом? Что там он ещё лопотал?! Что у нас всё впереди и мы сможем постепенно иметь всё, что захотим. Заработаем — и будет, значит!

Ох, до чего я ненавижу выражение «может быть»! То есть то ли будет, то ли нет — пятьдесят на пятьдесят. Как в моём любимом анекдоте: «Скажите, каковы шансы встретить динозавра в центре Москвы?» — «Пятьдесят на пятьдесят». — «Это как?» — «Ну или встретите, или нет!»

Вот так и тут, чёрт подери! Если Серёженька в свои тридцать лет только начинает подавать большие надежды, то пусть подаёт их в другом месте, подальше от меня. А я выбираю развод! И никаких других вариантов!

Ой! А контракт наш брачный?.. У-у-у!

Я набрала номер мамы. Она пререкла мою проблему с первого же слова.

— Вот! Я же говорила, что мне его родители не нравятся, а ты не слушала!

Да, правда, говорила. Но сейчас не время напоминать, как она не понимает?

— Мама, делать мне что?! — рассердилась я. — Потом обсудим, у кого чутьё лучше.

— А ничего не делать, — ответила она. — Покупайте, в самом деле, общую квартиру да и живите. А там видно будет. Уж как-нибудь разрулится. У тебя просто нет сейчас другого варианта! — резонно заметила она.

Ну что ж, ладно. Проигрывать тоже надо

уметь. Значит, пока тайм-аут, разлюбезный супруг. А время работает на меня! Это ты ещё просто не в курсе, что за мной не заржавеет.

На другой день, едва только рассвело, Сергей приехал ко мне. Я за ночь успокоилась, хорошенько всё обмозговала, поэтому мы с ним быстро договорились. Он всё спрашивал, заглядывая в глаза:

— Ты меня любишь?..

Конечно, люблю. Разве возможен сейчас иной ответ? Ты любишь — я люблю, живём — хлеб жуём.

Мне хотелось вlepить ему пару увесистых пощёчин, но я сдержалась. Ярость моя поутихла, и я просто перешла в состояние спокойной, но полной боевой готовности. Готовности к чему? А ко всему. Чувствовала: всё встанет на свои места, и я проконтролирую этот процесс от «а» до «я». Можете не сомневаться.

* * *

Перво-наперво я решила не отступать от главного пункта своего плана семейной жизни и поставила жёсткое условие: не вернусь, пока Сергей не найдёт хороший вариант обмена.

Поэтому мы и жили врозь три месяца, но зато Сергей старался в поте лица. И нашёл наконец то, что меня устроило!

Новая наша квартира была хоть и не в центре, но зато состояла из трёх довольно просторных комнат. И, что ценно, ни одна из них не являлась проходной. Это была новая, улучшенная планировка, и даже кухня — главный штаб любой семьи — оказалась лишь незначительно меньше самой большой комнаты.

Добираться до работы было теперь намного дальше, но при наличии машины это не играло существенной роли. Конечно, ни о какой отдельной машине для меня, как я, наивная, мечтала, не могло быть и речи, и утром мы ездили в офис вместе. Сергей радовался:

— Хорошо, что в одной конторе работаем. Удобно!

Он упорно не понимал, что теперь жизнь его в корне изменилась. Молодая и красивая жена — это дорогое удовольствие, и надо прилагать все силы, чтобы её желания исполнялись. Да не так

уж и много было их у меня, этих самых желаний, но ссориться мы стали постоянно.

Меня бесило, что он не может сразу купить понравившееся мне колечко, а начинает прикидывать, мямлить, подсчитывать вслух. Какие могут быть расчёты, если рядом любимая женщина? Сделай, что она просит, если ты настоящий мужчина.

Ну вот почему другие могут, а этот нет?! Да, оплатить салон красоты, массаж и шопинг — это не газетку в киоске купить, тут надо вложиться как следует. Так зато и результат налицо!

Даже на улице по любой женщине видно, довольна ли она своей судьбой, чувствует ли внимание и любовь своего мужчины или бредёт по жизни, как нищенка по вагону: то ли подадут, то ли нет...

У обеспеченной, уверенной в себе женщины и настроение всегда хорошее, и удача с ней дружит. И со здоровьем отлично, потому что нервы в порядке!

А мне мой красавец начал их трепать буквально сразу. Например, когда я намекнула, что уже пора ему попросить прибавку к зарплате, он сказал, что пока рано. Вот получится с новым заказом — тогда шеф и сам повысит, а ходить кланчить он не собирается.

Второй пример: ему даже в голову не пришло предложить мне уйти с работы! Это он, значит, и дальше собирается жить за мой счёт, что ли? Ладно, не понимает намёков — я и в лоб сказать могу. А он услышал — заулыбался:

— Ты что, в декрет собираешься уйти?

Спросил с осторожной надеждой (ведь я так и сказала, что скоро на работу ходить перестану). Я не на шутку рассвирепела:

— Какой ещё декрет?! При чём тут это?! Я тебе уже не первый раз пытаюсь внушить, что работать не хочу и не буду, потому что у меня есть муж! Мне и дома возни достаточно.

Он скис, бросил тускло:

— Да сколько той возни для нас двоих... — и закинул снова: — А ты... Ты всё-таки ведь хочешь детей, правда? Если не сейчас, то немного позже...

Этого только не хватало! В таком вопросе сразу должна быть ясность, чтобы отцепился наконец. Уже ведь не первый раз заводит эту чушь!

— Я категорически против каких бы то ни было детей! У меня что, две жизни? — и едко добавила, не смогла отказать себе в удовольствии: — Тем более с твоей зарплатой. На меня — и то не хватает, мучаюсь только.

И мы поссорились опять.

Так промаялась я полтора года. Пыталась и по-хорошему, и по-плохому с ним договориться, да где там! Ни на шаг не продвинулась. Сергей по-прежнему получал столько же, сколько и раньше (то есть, по моим меркам, кошкены слёзы. Это разве глава семьи?!). По-прежнему настаивал на ребёнке, и каждый раз всё злее и злее. И при этом выплачивал кредит за машину, да ещё и давал деньги своим родителям! Им-то за что?!

Кто это выдержит, такой ад? А я всё терпела, терпела... Но и моё ангельское терпение лопнуло. Достал всё-таки, постарался:

— Инга, у мамы анализы очень плохие, нужна операция. Сказали, что без этого никак.

Понятно, старая песня со знакомыми куплетами. А припев такой: дать мамочке денег! Меня буквально взорвало:

— Я что, нанималась вам? Какого хрена я должна содержать твою семейку?!

— Ты?! — ощерился он. — А при чём тут ты?

Это он, значит, дал понять, что все наши деньги только его и больше ничьи. Ведь я, слава богу, с работы всё-таки рассчиталась месяц назад. Так сказать, из принципа! Надеюсь, что хоть это его подтолкнёт начать зарабатывать как следует, чтоб не стыдно было за такого мужа.

Но молчать я, конечно, не собиралась:

— А при том! Если деньги уплывут твоей мамаше, то не хватит их именно мне, а не тёте с улицы! Или ты печатный станок изобрёл, а?!

— Вот что, моя дорогая, — он заиграл желваками, — заткнись. Я решил — и сделаю, как решил. Надоело!

Стоял передо мной злющий, даже кулаки сжал. Он, правда, никогда на меня руку не поднимал, но мало ли... Не хотелось бы.

Пришлось сбавить тон. Но всё-таки я ещё раз упорно повторила, что моя мама, например, ничего от нас не требует, ведёт себя достойно. Вот так и другие должны!

— Твоя мама, — он тоже немного успокоился,

— значительно моложе и здоровее. Но когда ей будет надо (ведь и она стареет!), мы не откажем.

Интересный поворот!.. Я об этом как-то и не задумывалась. А с какого боку я должна буду ей платить? Пенсию ведь дадут? Дадут. Так и в чём же дело?

Об этом я тоже сказала вслух, но муж опять повысил голос:

— Слушай, не надо хотя бы так бесстыдно демонстрировать себя во всей красе!

Так. Значит, я уже и бесстыдная?! И я заволновалась:

— Не дам я денег, не дам!!! Хватит! А то, дай тебе волю, ты нас вообще по миру пустишь! Не да-ам!

Сергей нехорошо так засмеялся и презрительно сказал:

— А кто тебя спрашивать будет? Не даст она, видите ли... Облезешь!

— Ну-ну! — вскипела я. — Жди от своей мамы благодарности! Вот попомнишь, когда она тебе завтра скажет, что ей уже вдесятеро больше понадобилось, чем ты даёшь!

Сергей ушёл, хлопнув дверью. Любимый приём! Всегда, когда мне казалось, что я уже победила и последнее слово осталось за мной, он так делал. Теперь, значит, явится не раньше часу ночи. И опять нетрезвый. Скотина! Почему, почему мне так не повезло с мужем?! По-че-му?!

Вот не зря говорят, что слова материальны: вскоре муженёк нахально заявил:

— Маме требуется повторная операция, иначе мы её потеряем.

И назвал сумму.

Я так и села... Вот, дождалась! Я открыла был рот, набрала побольше воздуха, но Сергей вклинился быстрее:

— Попробуй только закатить истерику, ноги повывёртываю!

Ого!.. Такого я никогда не слышала, да и таким пришибленно-убитым, что ли, не видела его никогда. Поэтому возразить не рискнула вообще. А сама всё думала, думала: таких денег у нас нет. Где же он возьмёт?.. Второй кредит? Нет, исключено. У нас и с первым туго-претуго, хоть от машины отказывайся вообще.

Сергей ответил мне на этот вопрос на другой день. Убил наповал!

— Квартиру будем продавать, возьмём другую, поменьше. Три комнаты нам ни к чему. Не для кого!

Как это «не для кого»?! Я тут так бесподобно всё устроила! Все знакомые бесятся от зависти! И что — бросить всё это и переехать, тесниться?! Ради какой-то старухи, которая всё равно окочурится, независимо от операции! Онкология у неё, я знавала. Годом раньше, годом позже — разница небольшая, а я должна столько терять?!

— Я не соглашусь, — сказала я глумливо. — А квартира общая, без меня не продашь!

— Вот именно, общая. По контракту! — ехидно подчеркнул он. — И в случае развода мы её продаём и делим деньги строго пополам.

— Развода?.. — растерялась я. Честно, не ожидала. А он, кажется, не шутит.

— Вот именно! — воскликнул муж. — И ничего другого. Хватит, намучился.

Нет, ну вы видели?! Ещё он и намучился! Он, а не я! Вот подонок!..

Он действительно подал на развод. Правда, просил меня обойтись тихо, без суда, ведь детей у нас нет. Но я упёрлась: война так война! Раз он меня бросает, то пусть и попляшет.

Но всё решилось, к моей досаде, очень быстро: нас развели на первом же заседании. Причём сам Серёженька, трус и предатель, на суд не явился, а прислал адвоката. Оказывается, можно разводиться и по доверенности. Безобразия!

Его адвокат столько наплёл, такого монстра из меня изобразил, что хоть расстреливай на месте. И судья — мужик, поэтому и солидарность проявил! Отнёсся к претензиям Сергея благожелательно.

«Именем закона...» — и всё. Свободна.

Очень жаль, что нельзя было слупить с Серёженьки деньги за полмашины, потому что кредит выплачен пока не был. Ну да ладно, пусть повертится ещё, всё равно, наверное, отберут!

Итак, после развода я имела такую сумму, что могла снова купить себе «однушку», что я и собиралась, в общем-то, сделать, а пока снова жила у мамы.

Она за время моего проклятого замужества успела опять надеть себе хомут на шею в виде нового сожителя. Хорошо хоть, что ровесника, а не сопляка. Очередной «папа» Вася оказался дядькой бесцеремонным, к тому же лю-

бывшим крепко выпить. Где мама отыскивает такие экземпляры?!

Я его с трудом переносила, но теперь пришлось пока жить вместе. Бывший мой муженёк, насколько я знала, тоже перебрался к папе-маме, и это меня немного утешало. Вот пусть и загнётся в той нищете, кому он нужен?!

Дядя Вася был очень недоволен, что я живу с ними, но помалкивал. Он ведь там никто, а я дочь.

Мама его обхаживала, облизывала, водку носила без конца. И, что самое противное, пристрастилась и сама за компанию. Теперь они целыми вечерами на кухне несли всякую чушь, которая заканчивалась обоюдными пьяными слезами. Хорошо хоть, что не дрались, а просто, дойдя «до точки», тихо плелись спать.

Утром оба с больными головами тяжело поднимались на работу. Ну и как тут без опохмелки?.. Вот такое счастье, значит. И опять — до вечера...

Я пока не работала (это кошмар, но придётся опять что-то искать. Не хотелось пока про это и думать — успеется!) и днём брезгливо разгребала последствия осточертевших застолий. Как Золушка! Но у той хоть принц в конце появился, а что у меня?..

Надо искать пару, чего ждать? Искать поумному. Может, повезёт, и работать всё-таки больше не придётся?..

И я вечерами уходила гулять (пусть мама с Васей пьют, хоть не смотреть на них!); пока мне не везло, но я надеялась. Кто ищет — тот всегда найдёт!

И вот однажды, когда я возвращалась из бара (там удобно знакомиться, проверено; пока, правда, ничего приличного не попадалось...), ещё издали заметила: горит родная «пятиэтажка». И, чёрт возьми, именно с того угла, где наша квартира! Я бросилась бегом.

Мои худшие предчувствия, конечно, оправдались: из окна большой комнаты нашей квартиры вырывались огромные языки чёрно-красного пламени... Я закричала!

Тут уже было много людей, они тоже кричали... И, пугающе сигналя, уже въезжала в наш двор пожарная машина. Бойцы быстро развернули шланги, и работа закипела. Я стояла как вкопанная, смотрела и только стонала.

К счастью, потушили довольно быстро и никто не погиб: упившиеся до беспамятства мама и дядя Вася даже не знали о пожаре, ведь дрыхли без задних ног оба в соседней квартире, «в гостях» у алкоголика Сашки, который в последнее время прибился к ним в друзья.

А ведь это мамашин любовник, подонок, пожар устроил, как оказалось потом! Дядя Вася, пропойца чёртов, включил зачем-то утюг, да так и оставил, и они ушли. А утюг старый, ему сто лет в обед, реле не работает... Раскалился — и пошла жара: загорелись обои, линолеум. В общем, комната пострадала капитально. Самое ужасное, что загорелся шкаф, а в нём — все документы: и мои, и мамашины. А также деньги из моей доли после развода, я их в нижнем ящике хорошенько припрятала.

Хорошо ещё, что деньги там были не все, а только часть. Ведь мне надо же было на что-то существовать! А мама с сожителем всё своё пропивали без задержки.

Потребовалось срочно восстанавливать документы, приводить в порядок изуродованную квартиру, а это деньги, деньги и ещё раз деньги, будь оно всё неладно! Но нет худа без добра: дядю Васю я погнала поганой метлой раз и навсегда, мама и пикнуть не посмела. Она теперь ходила трезвая, виноватая, пряча глаза.

Пришлось взять из банка остаток своих средств. Квартиру, конечно, я довела до ума, а с документами, которые благополучно сгорели, выдвинула мамочке условие, и ей пришлось его принять. Ведь это же по её вине я не смогу теперь купить себе жильё, мне не хватит! Её сожитель устроил пожар, а я сколько денег вбухала во всё это, чтобы исправить, сказать страшно. Поэтому пусть родительница подпишет мне дарственную на квартиру! И отныне не я буду жить у неё, а она у меня.

Вот так и стала я полновластной и единственной владелицей нашей квартиры и наконец-то опять почувствовала себя уверенно. Мама, отлично понимая свои птичьи права, старалась как можно меньше попадаться мне на глаза и не раздражать. И мы зажили тихо-мирно. Я по-прежнему сидела дома, а она шмыгала с работы на работу — и всё. Зарплату, естественно, отдавала мне (покрывала долг!).

Надо же, я никогда и не думала, что моя мама

умеет быть такой кроткой и покорной, ведь всегда считала её бой-бабой. А нет, и на неё управа нашлась! Значит, главное — это правильно расставить акценты. Если выбираешь, то выбирай силу, ведь кто сильнее, тот и прав.

Мы даже начали душевнее общаться! И вот однажды мама мне подкинула отличную мысль — про своего двоюродного брата Петю. Мол, у них с Диной детей нет, так можно и подружиться, туда-сюда... Я оценила перспективы идеи и, не откладывая в долгий ящик, в тот же вечер и позвонила. Мы с дядей Петром плодотворно так поговорили (потому что я точно угадала, чем зацепить дядьку: про медицину надо! Мама хорошо подметила, что он на этом всю жизнь помешан), и дядя Петя пригласил меня «заскочить как-нибудь».

Я не отказалась. Благо, на носу был день рождения тётки Дины. Не пожалев денег на подарок, я нанесла свой первый визит. И дружба наша с тех пор расцвела пышным цветом, укрепляясь день ото дня.

Чем всё кончилось, я уже говорила, но за эти три года тесного общения произошло немало важного и очень даже полезного для меня.

* * *

А получилось всё, в общем-то, случайно. Но, говорят, расторопных людей и случай любит, поэтому я усмотрела здесь милость Фортуны.

Дядя Петя предложил сам:

— Может, попробуешь поступить в медицинский институт? Я помогу, оплачу учёбу.

Вопрос, конечно, интересный, ведь пора и в самом деле как-то определяться. Но я и школу-то еле-еле одолела, а тут ещё шесть лет корячиться. Тем более в медицинском. На фига он мне сдался?!

Но дядька предложил — и надо было этим воспользоваться по-умному.

— Дядя Петя, я очень люблю медицину! — патетически воскликнула я. — Но целых шесть лет я физически не потяну, мы же с мамой и так с трудом концы с концами сводим...

— Да знаю я, знаю! — нахмурился дядя Петя. — Ну а ты сама что предлагаешь, есть варианты?..

Я давно уже подумывала про какой-нибудь хоть самый плохонький диплом, ведь, как известно, «без бумажки ты ..., а с бумажкой — человек». Хорошо подмечено, точно.

Мама несколько раз закидывала, что очень неплохая и нужная сейчас специальность — это «бухучёт и аудит», а тётка Дина настойчиво склоняла меня к мысли о работе в торговле. Ну ясно: каждый кулик своё болото хвалит.

Но я решила всё же сделать выбор в пользу дядьки, ведь тогда он мне однозначно ни в чём не откажет. Институт — это, конечно, не по мне, но дядюшкин путь сулил мне неплохие вроде бы перспективы. И я озвучила свою «мечту»:

— Дядя Петя, я твёрдо решила поступать в медицинское училище.

— Тоже неплохо! — возрадовался он. — У меня там как раз куча друзей-приятелей, всё схвачено!

И озабоченно подытожил:

— На бюджетной основе тебя, конечно, не возьмут, там конкурс аховый! И с твоим аттестатом шансы — ноль целых и столько же десятых. Что же ты, глупенькая, таких оценок наваталась? — пожурил он ласково.

— Ну да ладно. Я думаю, что это по недомыслию, ведь девка ты толковая. Наша кровь! Тем более, если действительно мечтаешь о медицине...

(Хороший, надёжный крючок, равный капкану на медведя — медицина! — и дядя Петя мой со всеми потрохами.)

И в самом деле я, не напрягаясь, по дядиным связям и на платной основе, конечно, поступила в медучилище, и дядя Петя торжественно поклялся «сделать всё, чтобы вывести племянницу (то есть меня) в люди». Не пожалеть средств во веки веков!

Мне с первой же лекции в этом самом расчудесном училище стало невыносимо скучно. Во-первых, по возрасту я была уже значительно старше своих однокурсников, большинство из которых пришло сюда после девятого класса (сопляки!); а во-вторых, я всеми фибрами ненавидела эту самую медицину. Такая мутотень!

Курс был коммерческий, поэтому ни о какой стипендии речи не шло вовсе. А значит, я решила, что можно и с посещением не особо заморачиваться.

И на первой же сессии навалились на меня проблемы. Но я быстро сориентировалась и до-

гадалась, что можно легко и просто (только чётко понять, как и когда) вручать очередному «преподу» волшебный конверт с дензнаками внутри. И зачёт — в кармане.

Итак, через первую сессию я, проявив смекалку, перевалила; и дядя Петя, не откладывая, внёс деньги за второе полугодие, и опять — учись-не хочу! А вот не хочу... Не хочу, не хочу!

Хорошо, что это училище — только два с половиной года; уж как-нибудь дотяну, домучаюсь.

Но мучилась я по полной программе! Уже все мои однокурсники научились делать уколы, а я — никак. Плакала даже! Спасибо, дядя Петя выручил.

Когда я ему пожаловалась, что никогда-никогда-никогда не смогу постичь это долбаное иглоукалывание, он тут же взялся ситуацию исправить.

— Так! — за муляж заднего места решено было взять плотный валик дивана. — Смотри! Шприц надо не вкалывать, а всаживать, поняла? И чем молниеноснее движение, тем меньше страданий для больного. Можно добиться, что он вообще ничего не почувствует.

Он дал использованный одноразовый шприц, и я (сказал: «Не слезу с тебя, пока не научишься!») раз пятьсот, наверное, сделала укол несчастному дивану.

— Ты дротик когда-нибудь метала? — спрашивал дядька. — Ну или ножичек маленький? Ты вонзай, вонзай с размаху! Не ковыряй! Ну?! Молнией! Р-р-раз!

И ведь научил-таки.

— Во-о-о-от! — одобрил он наконец. — Запомни, детка: главное — не бояться живой плоти. Да, мы иногда должны делать больно, но это только для того, чтобы избавить человека от значительно больших страданий... Понимаешь? Наша с тобой задача — это милосердие ценой малой боли, дабы возвратить человека к нормальной жизни!

(Ну всё, пошло-поехало. Фанатик, что поделаешь!..)

Я слушала, улыбалась и кивала. Что ни говори, а научил он меня классно! С тех пор по уколам я стала лучшей среди всех, и меня начали хвалить.

А тут и подвалил тот самый случай. Дело в том, что в регистратуре поликлиники нашего

микрорайона работала давняя мамина знакомая, Зоя Григорьевна. И вот она однажды, узнав от мамы, что я теперь преуспевающая студентка медучилища, предложила:

— Инга, а как тымотришь, если я буду «сватать» тебе клиентов для уколов на дому? Спрос на это большой, деньги всегда хорошие, гарантия. А ты со мной за это немножко поделишься. Ну как?

Я с ходу согласилась. Это же как раз то, что надо: ни мороки, ни затрат, ни головной боли. А колю я знатно, пальчики оближешь!

Дяде Пете я про это ничего не сказала: чувствовала, что не одобрит. Ну не знаю почему; не одобрит — и всё. К тому же если он пронюхает, что я начала так прилично зарабатывать, то перестанет меня финансировать. А зачем мне терять такую поддержку? Деньги лишними не бывают никогда.

Ай да тётя Зоя! Я, конечно, была ей очень благодарна, ведь сама я не заморачивалась с поиском нуждающихся. Зоя Григорьевна буквально на блюдечке мне всё приносила, и нам обоим оставалось только подсчитывать доходы. У меня — большие; у неё, естественно, поменьше. Но всё было честно.

А главное, больные оставались довольны, колола я прекрасно, профессионально. И меня даже начали рекомендовать друг другу. Так создавался дополнительный денежный ручеёк, не подконтрольный уже тёте Зое. Напрямую, так сказать.

И тут в училище грянула вторая сессия. Буквально грянула, потому что попался один преподаватель, принципиально «не берущий». Деньги ему, видите ли, не так важны, как знания будущих эскулапов. Лицемер!

Много я видела идиотов, но этот — первое место! Был бы как все, мог бы пачками деньги складывать, а он... Такие и есть самые гнусные людишки, идеалисты хреновы. Ни себе, ни другим!

Вот этот Иван Александрович и «зарезал» мне оценки. Упёрся — и ни в какую. Я и так, и сяк — непробиваемый!

— Вот выучите как положено, тогда и поговорим, — твердил он как попугай. — А пока, как определил художник Решетников, «опять двойка». Вот так, милочка.

Подвёл он меня под отчисление, садист. Ес-

ли бы по одному предмету — это ещё полбеды; а ведь он вёл целых три дисциплины! Как будто других преподавателей мало... Нормальных, человеческих!..

Я изо всех сил скрывала от дяди Пети свои неприятности, но гром всё-таки грянул, и пришлось рассказывать как есть.

— Чего ж ты раньше молчала?! — кричал дядя Петя. — А теперь есть уже приказ об отчислении, понимаешь?! Я же не всемогущ, бога за бороду не держу!

Он ещё всё-таки попытался помочь, звонил куда-то, ездил даже два раза; но впустую.

— Пётр Андреевич, вы понимаете, что ваша Раппопорт — это что-то невообразимое? Ну вот как можно, например, кружку Эсмарха называть «желудочным зондом» и на экзамене под дикий хохот всех присутствующих совать отводную трубку в рот учебному манекену! Вместо задницы!!! Хорошо, что это всего лишь кукла, а не живой больной! — возмущался преподаватель дяде Пете в лицо. — А потом, представьте себе, когда ей объяснили, что кружка Эсмарха — это клизма, она невинно ответила, что всё прекрасно знает и без нас и что не надо её душить, потому что клизма — «это такой баллончик с наконечником»... И это будущая медсестра?! Да побойтесь бога, Пётр Андреевич! Не надо, не позорьтесь! Даже ради вас сделать ничего нельзя.

Дядька был мрачнее тучи. И я, конечно, злилась, истерила даже. Чего они прицепились?! Подумаешь, беда какая: ну перепутала, бывает... Что тут особенного?! Врачебные ошибки не такое уж и редкое явление...

— Врачебные ошибки? — дядя Петя был в ужасе. — Это ты своё потрясающее невежество так мило называешь «врачебной ошибкой»? Да знаешь ли ты, что это такое, когда врач ошибся, когда он не помог, а только усугубил; когда он усилил страдания, когда он...

(Началось. Слыхали сто раз: долг, милосердие, доброта. Хлебом не корми!)

Но я кивала, покаянно плакала, обещала всё-всё-всё исправить и наконец начать учиться как следует. Качественно!

Ещё надеялась, что утрясётся, ведь дядя Петя хоть и ругался, но всё равно обещал, что съездит ещё «к одному человеку». Но уже если и тот не поможет — тогда всё. Прощай, училище!

Дядька и вправду ещё искал кого-то, хлопотал, но опять всё напрасно. Меня с треском и позором отчислили.

А с другой стороны, может, это и хорошо? Какой из меня медработник, если честно?.. Доработалась бы в итоге до какой-нибудь «врачебной ошибки» — и конец. Неприятности, вплоть до тюрьмы — оно мне надо?..

С дядей Петей мы помирились, и я по-прежнему была так же вхожа в их дом, но мою «материальную поддержку» он, конечно, прекратил.

— Устраивайся сама как знаешь, — устало махнул он рукой. И больше моими делами не интересовался, просто был рад мне, и это всё.

А с уколами осталось всё как раньше. Желающих было предостаточно. Вот и спасибо медучилищу: считай, всё равно профессию я приобрела, хоть и без диплома. Да и кому он нужен?

* * *

Я чувствовала, что жизнь моя, несмотря на неприятности с училищем, потихоньку налаживается. Деньги я получала хорошие, при этом была сама себе хозяйка и ни перед кем не отчитывалась. Выходной или отпуск могла устроить себе в любой момент, когда захочется.

Я зарабатывала больше, чем мать, поэтому мой голос стал теперь во всём решающим. Сказали бы мне раньше, что так будет, — ни за что бы не поверила. Я (вполне заслуженно!) поставила себя так, как и должна была, и мама не смела больше мне ни указывать, ни советовать.

Она, очень любившая поболтать, теперь с разговорами не лезла. Только смиренно ожидала, когда я сама захочу что-нибудь с ней обсудить. Я как бы определила для неё территорию и на свою половину пускала только тогда, когда сама этого желала.

Мама моментально смирилась и только однажды как бы невзначай обронила, что зря, мол, сглупила: не надо было дарственную оформлять. Потому что она теперь здесь никто, почти как бомжиха...

Я наорала на неё, что пусть скажет большое-пребольшое спасибо, что я за свои кровные сделала ремонт! Что я платила за новые документы! И что, не будь моего участия, она до сих пор оби-

вала бы десятки порогов, восстанавливая и паспорт, и прочее, прочее, прочее!!! Я специально вопила погромче, размахивала руками и так сама себя завела, что в порыве праведного гнева грохнула об пол большую керамическую вазу, и она, крякнув, разлетелась на неопрятные черепки.

Ваза старая, не жаль. Она давно меня раздражала, но просто руки не доходили выбросить, а тут — как раз хорошо получилось: пусть мамочка запомнит как следует, что ей надлежит молчать и делать то, что велено.

Я, как хозяйка, и оплату коммунальных услуг производила лично, так что будь любезна, мама, имей совесть: живёшь у меня, ешь, спишь — плати. Зарплату дай мне, а я распределю.

Конечно, кое-что я оставляла и ей: на дорогу и на карманные расходы. Но совсем немного, в пределах разумного. Она-то как в своё время со мной поступала, а?! Ведь вынудила на скамейку ходить, телом торговать! Я помню.

Вот пусть теперь и сама почувствует, что это такое, когда денежек впритык. Правильно говорят, что всё на свете возвращается бумерангом, и она его заслужила. Пусть радуется, что я её не выселяю вообще. А имею ведь право! Но я добрая. Повезло ей.

...Больные мне попадались разные: колола и маленьких детей, и глубоких стариков. Иногда противно и подойти было! Вот уже полутруп, а всё надеется, что сто лет проживёт, укольчик просит.

Да мне не жалко, платите только! И деньги — вперёд. А то однажды началось:

— Не могли бы вы подождать?.. У нас пока с деньгами туго, так мы потом...

Что?! Наши дуру. Вы — потом, так и я — потом. И ушла, не стала колоть. Чего ради я буду заниматься благотворительностью?! Мне деньги нелёгким трудом достаются, а не с неба падают.

Конечно, в перспективе я и этим не собиралась заниматься. Продолжала надеяться и искать своего «принца» (или лучше «короля»), второго Сергея Ивановича не будет! Я заранее всё просчитаю и разужаю, уже учёная.

Я крепко надеялась на наследство от дяди Пети с тётей Диной, ведь в таком случае можно и без наличия «принца» оказаться в полном шоколаде. Например, продать одну из квартир, положить доллары в банк и получать ста-

бильный, надёжный процент. Или, сдавая жильё, опять же жить припеваючи.

Мама? А что — мама? Если я эту квартиру продам, пусть убирается, куда хочет. Что-то давненько она замуж не выходила, вот пусть и подумает. Да побыстрее, пока хоть какой-то товарный вид имеет.

Она теперь мини-юбочки не носит, присмирела. Так что для неё найти мужичка, который примет к себе жить, — самое то. Очень советую.

Кстати, недавно я получила немалое удовольствие, расписав ей в красках наш со Славиком роман. Пусть знает! А что она мне теперь сделает?! Видели б вы её рожу: челюсть отвалилась, глазки моргают. Аж бордовая сделалась, носом зашмыгала.

Но промолчала. Совсем! Я думаю, что ночью извертелась на пупе, вникая в детали. Очень хорошо!

...После прокола с наследством дяди Пети я сначала психовала не на шутку, металась. Это надо же! Своими руками я сама всё испортила. Вот что значит поторопиться, не учесть детали. Умнее и надёжнее всего было не связываться вообще с тёткой Диной!

Долго я не могла успокоиться, даже клиентов своих колоть стала больно. Но потом хорошо подумала, и как рукой сняло.

В чём проблема?! Кто мне сказал, что дядя Петья не доживёт до глубокой старости? А это значит, что ещё лет двадцать-тридцать-сорок ждать, пока мне что-то там достанется! Ну бред же полнейший. Он мужчина здоровый, его Ася тоже не болеет. Он же так и говорит: «Я теперь только жить начал по-настоящему! Хочется дышать полной грудью и любить бесконечно!»

У них там мир и лад, полная гармония. И сколько лет ещё мне надо было ездить, ублажать их, изображать любовь и уважение? Сколько можно?! До чёртиков надоело мне с ним таскаться!

Вывод: что ни делается, всё к лучшему. Не надо строить воздушные замки, это же глупо до невозможности! Реально смотреть на вещи — только это умно и продуктивно.

Про свой разрыв с дядей Петей я ничего не говорила маме: она, похоже, только позлорадствует. Так что пусть по-прежнему думает, что у меня всё схвачено, как следует.

Да мы с ней в последнее время вообще не разговаривали. Она теперь глядела исподлобья, как будто хотела укусить, и я догадалась: возненавидела из-за Славика.

Ну и пусть, на здоровье. Мне от её взглядов ни холодно, ни жарко. Я как раз надумала осуществить одну маленькую семейную реформу и поставила её перед фактом.

Наша квартира имела такую планировку, что в коридоре, между дверью в кухню и большой комнатой, была встроена огромная кладовка.

Соседи по подъезду, имеющие такие же точные квартиры, давно уже всё это перепланировали и в итоге получили или большое расширение кухни, или дополнительные метры в коридоре. Мы же кладовку не трогали, потому что держали в ней столько вещей, что они захватили бы всё свободное место.

А когда после пожара пришлось делать ремонт, я наконец разобралась с этим чуланом, выбросив весь ненужный хлам. И пустая кладовка оказалась маленькой комнаткой, только без окна. Сходство дополнял и крепкий топчан, свободно помещавшийся у стенки: ну тебе кровать — и всё тут! Оставалось его застелить, бросить под ноги какой-нибудь коврик, оживить обстановку табуреткой или стулом — и пожалуйста! Изолированное помещение! Даже розетка есть, и можно без проблем подключить настольную лампу. Хоть спи, хоть читай, хоть просто лежи отдыхай... Вполне нормальные условия!

Вот в эту комнатку я и решила переместить маму. Она выслушала молча (впрочем, теперь это было её обычное состояние) и попросила только добавить тумбочку из спальни. Правильно, пусть берёт. Тоже старьё.

Я сама привела каморку в порядок, топчан облагородила отличным матрасом, сверху постелила почти новый комплект белья — и вышло просто загляденье, сама бы жила! Повесила также и настенный коврик, и светильник. Отдала раскладной стульчик, который при желании можно было легко убирать, чтобы не занимал место.

Мама «переехала», поджав губы, но покорно. А я случайно услышала, как она спросила саму себя, явно не догадываясь, что сказала громче, чем нужно:

— Что же это за мерзавка выросла?..

Я не стала с ней выяснять отношений и поднимать скандал.

— Ладно, — решила я про себя, — за это тоже ответишь.

Ишь, неблагодарная. Кто-нибудь другой уже давным-давно выставил бы её отсюда, а я терпела. Я её ни разу тут куском не попрекнула, хоть сама все продукты покупала. А она посмела про меня вот так сказать? Не нравлюсь, значит, не устраивает жизнь со мной? Ладно, я тебе устрою!

И я сделала последний решительный шаг, навсегда отсекающий мамочку от моей судьбы: я продала квартиру. Да-да! А иначе как её отсюда выкуришь? Квартира — моя, поэтому что хочу, то и ворочу. Захотела и продала — и никто мне не указ, всё по закону.

Чтобы не терпеть мамочкину истерику, я поступила максимально бесшумно: пока она была на работе, я вывезла свои вещи. Мебель не трогала, зачем мне эта рухлядь? Да и с ней можно немножко дороже продать. И пусть новые хозяева сами решают, что с ней делать. А я себе всё новое куплю, самое лучшее и современное.

Свои вещи я отвезла в нанятую накануне (договорилась на две недели) квартиру. Это было удобно, и срок вполне достаточный, чтобы купить себе новое жильё, ведь сначала нужно было продать старое и получить деньги за него. Ну не на вокзале пока жить!

Справилась я даже быстрее, чем думала, и вскоре отдала ключи от старой квартиры из рук в руки покупателям, а сама буквально на другой же день въехала в новую. По площади эта квартира была почти такая же, как и та, которую я продала, но она была лучше хотя бы тем, что в ней никогда не могла появиться и жить моя мамаша.

Вот именно с ней, с мамочкой, пусть и разбираются теперь новые владельцы. Они в курсе, что мамаша там не имеет права ни на один сантиметр площади. Эх, жаль, что я не увижу, как пройдёт её выдворение! Но я иронически подумала: «Зато мысленно я и так всё представляю!»

— Это ей ответ за «мерзавку», — похвалила я себя за оперативность и сообразительность.

И всё дальнейшее в жизни родительницы меня перестало интересовать.

* * *

Свою очередную квартиру я обставила так, как и мечтала: шик-модерн! Я теперь переехала в другой район, и мои прежние клиенты по уколам сменились новыми. Я давно уже не нуждалась ни в каком посредничестве, сама знала, кого и где искать, и всё пошло по-прежнему.

Да и, честно говоря, не хотелось мне встречаться теперь ни с какой Зоей Григорьевной, ведь она наверняка была в курсе, что мы с мамочкой больше не живём вместе. По моим прикидкам, мама могла податься только к Зое Григорьевне, больше не к кому. Моя мама ни с кем не имела сердечных отношений, считая всех вокруг себя или завистниками, или дураками (я тоже так думаю, между прочим; тут она права!); а вот для Зои делала почему-то исключение. Они были знакомы с ранней юности и самым непостижимым образом ладили.

Зоя Григорьевна была тоже не подарок, упрямая и жадная, но находила же в ней что-то привлекательное моя мама!

Но вот приняла ли Зоя Григорьевна её к себе жить? — могло быть как да, так и нет. Хотя я больше склонялась к тому, что нет. Зоя давным-давно жила одна и была исключительной эгоисткой, но всегда любила повторять, что одиночество её тяготит. Вот бы, мол, с кем-нибудь вместе жить, всё веселее.

Я убедила себя, что Зоя Григорьевна всё-таки взяла маму и им вместе теперь хорошо и уютно. А что? Обе работают, зарплата плюс зарплата — и можно жить припеваючи. А может, мама действительно сошлась с каким-нибудь одиноким мужчиной? Ну, дай бог...

Я даже перестала злиться на неё, честное слово! Внутренний голос иногда спрашивал меня: а если?..

«Что — если?!» — изумлялась я. Никаких «если»! Моей мамочке палец в рот не клади, так что я уверена: всё уладилось. Но проклятый внутренний голос замолчал не сразу, а всё грыз и грыз, поэтому мне приходилось давать ему обещания, что немного погодя я позвоню Зое Григорьевне и поинтересуюсь. И, если что не так, тогда и придумаю, как поступить.

На этом этапе мой диалог с совестью иссякал, и я продолжала строить новые планы.

Открою секрет, что к мужчинам я питала стойкое отвращение, получив прививку презрения и гадливости ещё в сквере, когда «зарабатывала». Поэтому ни Славик, ни мужёнок Сергей ничего особенного во мне так и не разбудили, никаких чувств; просто я умела мастерски подыгрывать чужой страсти.

А тут познакомили меня с одним молодым человеком, и я поняла, что меня зацепило всерьёз, что думаю о нём постоянно.

Я однажды слышала интересное определение любви: «Любить — это хотеть касаться». Если принять эту формулу за истину, то можно сказать, что я сильно влюбилась.

Впервые я увидела его в одной семье, куда ходила «колоть» девочку-подростка.

— Это мой брат Ефим, — сказала хозяйка, и я пропала.

Мы не сказали друг другу и десятка слов, а я о нём думала целые сутки, как раз до следующего укола. Напрасно говорят, что это только мужчины любят глазами... Женщины тоже! Ефим был настоящий красавец: что лицо, что рост... А плечи! Аполлон, да и только.

В следующий свой «укол» я уже беззастенчиво подала его глазами, а потом настойчиво попросила проводить. Он почти не удивился и пошёл. Довёл до подъезда и простился.

Мне в той семье оставался только последний визит, и я решила действовать ещё более решительно, и будь что будет. Мне было безразлично, сколько Ефиму лет (кажется, я немного старше), где он работает и есть ли у него деньги. Можно сказать, что я вообще соображать перестала.

У меня и подруг-то толком никогда не было. Светка Кулакова — самая последняя, с кем я могла быть до конца откровенной... Так это ж сто лет назад! Ну, ещё немного дружила с двумя сотрудницами фирмы, в которой работала вместе с Сергеем. Это тоже в прошлом.

А теперь я чувствовала, что хоть кричи, а надо с кем-то поделиться, посоветоваться. А с кем, с кем?! Или хотя бы выговориться, в конце концов!

Кончилось тем, что я зазвала к себе Ефима «на чай», выставила бутылку хорошего коньяка и мощную закуску и после третьей рюмки получила желаемое. Почувствовала такое удовлетворение, что даже сама себе не поверила. Ведь кого у

меня только не было, а я никогда не чувствовала ну хоть мало-мальской радости. «Закрывать глаза и три минутки потерпеть», как говорила Светка.

А Ефим — как будто ничего такого и не случилось. Дело обычное. Как говорится, секс — это ещё не повод для знакомства. Представляю, сколько у него баб! Конечно, у такого красавца!.. И все балуют, задаривают... Наверняка!

Я угадала: Ефим, одеваясь, равнодушно намекнул, что если я захочу ещё «отношений», то неплохо бы его «материально простимулировать». Вот не сойти мне с этого места, так и сказал! Просто, откровенно и цинично. А у меня чуть сердце не выскочило от ревности и любви одновременно.

Поразмыслив потом на досуге, я с горечью призналась себе, что опустилась до самого дна, позволила просто вытереть об себя ноги. И это я?.. Я?!

И в то же время я и дальше была готова на всё, лишь бы он пришёл ещё раз. И ещё, и ещё, и ещё!.. Вот когда я поняла казавшиеся мне ранее пустыми и надуманными выражения: сгорать от тоски, изнывать от желания, терзаться ревностью... Как, как занять Ефима только для себя и навсегда? Клянусь: если бы мне сказали, что для этого надо убить десяток-другой женщин, я бы убила, глазом не моргнув.

Но он был скользкий, как рыба, и равнодушный, как дверной косяк. Огонёк интереса загорался в его ледяных глазах только тогда, когда он получал реальную, осязаемую выгоду.

Ну почему, почему при этой уникальной красоте — и вдруг такая космическая пустота? Я понимала, что буквально погибаю от любви, но остановиться не могла: в руки Ефима уплыла и массивная золотая цепочка, и дорогая импортная рубашка, и много всякого-разного, покупавшегося специально для него, чтобы снова заполучить на полчаса эти руки, губы... Я не узнавала и даже презирала самоё себя, но иначе не могла и не хотела. В конце концов, если он продаётся, почему же не купить?.. (Я даже иногда злорадно думала, что мы родственные души, как ни крути!)

Я мстительно мечтала, чтобы он поскорее потерял свою адскую привлекательность. Всё равно — пройдут годы! — жизнь его приземлит, никуда красавчик не денется!

И тут случилось такое, что я вообще чуть с ума не сошла: я забеременела! Как?! — вот убей, не знаю. Береглась ведь! Всегда помогало...

Какое-то время я всё ещё надеялась, что ошиблась, что тест показал неправильно. Бывает ведь так! Но когда сходила к гинекологу — сомнений не осталось. О-о!!! И что дальше? Это само не рассосётся, надо меры принимать!

И вдруг меня поманила надежда: а что, если мой мучитель возьмёт да и женится на мне, узнав о таком факте? И я тянула время, тянула... А он, как назло, всё не приходил и не приходил!

В душе я понимала, что он меня просто пошлёт подальше, но попробовать-то можно? А вдруг?.. И я решилась.

Подкараулила его сама и выпалила сразу, что срок — семь недель!..

— Да хоть восемь, — презрительно сплюнул он. — Мне такие новости по три раза в день сообщают. Так что отвали.

Ну что? Получила, что хотела?!

И я поплелась на аборт. Единственное, что меня теперь интересовало, — это простит меня Ефим или нет? Будет ли ещё приходиться?.. Тоже мне, шантажистка хренова. Можно подумать, что я родила бы, даже если б он захотел этого ребёнка. Да никогда в жизни, ни за что!

То, что я столько нервничала в последнее время, сыграло-таки свою отрицательную роль: аборт сделали крайне неудачно.

Кто мне внятно объяснит, чего я ждала? Почему не избавилась сразу от неприятности, на малых сроках? Было бы и дешевле, и безопаснее.

А так — медлила, выращивая в себе это недоразумение, этот сбой техники безопасности секса. И теперь — вот, получи: пришлось провести на больничной койке не два часа, а почти две недели. И детей у меня, сказали, больше не будет.

Вот это как раз и хорошо, хоть один «плюс». Значит, не будет больше ни таких чисток, ни переживаний, ни тестов на беременность.

Когда меня наконец выписали, то я постаралась побыстрее прийти в норму, привести себя в порядок. Не терпелось снова найти Ефима и уговорить прийти!

И вот наступил день, когда я опять пошла его искать. Соскучилась!.. Пусть, пусть всё будет как раньше, хватит у меня и сил, и подарков! Только бы не сердился!

Проторчав напрасно весь вечер у его подъезда, я не выдержала и поднялась в квартиру.

— А он три дня как уехал, — сообщили мне.

— Куда?! Надолго?..

— Как «куда»? К жене!

— ?!!

— Он на прошлой неделе женился. А вы что, не знали?

И мне поведали, что мой Ефим проживает теперь в Финляндии, ибо заключил законный брак именно с финкой.

— У жены его там большой бизнес, — сказали мне напоследок. — Очень богатая женщина! Повезло нашему Ефимушке. Удачный выбор.

Вот оно, значит, как. Это у меня с принцами напряг, а у Ефима с особами королевской крови полный порядок. Нашёл себе место под солнцем.

Я не знаю, что во мне больше всего забурлило: ревность, злоба или зависть? Скорее всего, и то, и другое, и третье. А главное, мучила боль необратимой потери, равной которой я не знала до сих пор.

Всё-таки я по-настоящему его любила, работа этого смазливового...

* * *

Мне казалось, что меня больше не существует, и было совершенно непостижимо, как я ещё хожу, дышу, ем и сплю.

Впрочем, спала я совсем мало и в итоге даже начала принимать снотворное. Я чувствовала себя полной развалиной, хотя даже до тридцати лет мне далеко.

Когда судьба улыбнётся мне?.. Где же он, мой придорожный камень?.. Кто подаст мне верный знак, куда наконец повернуть, чтоб добраться до просторной солнечной поляны и зажить на ней, как в сказке?..

Я понимала, что нет у меня никаких сил двигаться дальше, строить планы, намечать цели... Вот так бы и лежала целый день, глядя на облака за окном. Пусть никто не тревожит меня, и я веками никого не трону...

...Но это постепенно стало проходить, и я увидела, что полосатая жизнь снова заманивает меня на светлое пространство. Да и в самом деле, что это я расклеилась?

Подумаешь, потеря! Может, наоборот, это

настоящая удача, что Ефим исчез наконец с глаз долой. И, слава богу, из сердца вон. Неизвестно ещё, во сколько бы он мне в конечном счёте обошёлся. Запросто могло дойти до того, что я бы отдала ему всё, что пожелал. Квартиру даже! (Мне вспомнилась мама: вот так же и она готова была разорваться для своего озабоченного Славика!..) Так что спасибо ещё, что мало взяла.

Хороший, очень хороший урок я получила: нельзя ни привыкать, ни привязываться, а тем более — любить. Это вообще пропасть, путь в никуда. Не мой выбор.

Только трезвый расчёт и чёткие планы! Я же именно это больше всего в себе и ценила.

Короче, всё! Я очнулась, встряхнулась и решила не сдаваться. Итак, что я имею на сегодняшний день?

Спокойно пораскинув мозгами, я практически вернулась к самой себе: деятельной, амбициозной, целеустремлённой и волевой. В конце концов, жизнь продолжается, и я таки возьму от неё всё, что захочу. И никаких «но»!

И, кстати, где же мой принцип — никогда и никого не прощать? Хотя бы того же дядю Петю с его новой клушей. Дружили-дружили со мной, а потом пошла вон, значит? И, главное, дядька меня оскорбил, назвал «особой, которая ничем не брезгует!» Меня! И Аська поддержала!

Что же, дать им сдачи — дело простейшее. Они же оба врачи; можно столько кляуз настрочить про их «ошибки профессии!» Я кое-что от них самих знаю; у них потом никакого мыла не хватит, чтоб отмыться.

Месть — это сладко и интересно: вывести, проследить, изловчиться и нанести точный удар. Это как спорт или охота, тут я азартных понимаю. Ведь, по большому счёту, не за жратвой же они прутся на охоту, кто в лес, кто в чисто поле. Интересен сам процесс! И приятно испытать чувство близкой добычи: вот сейчас, сейчас!..

Да и насчёт Ефима надо хорошенько прикинуть. Мне, конечно, достать его отсюда никак невозможно, но ведь время терпит. Надо ждать: вдруг он сестрицу навестит... А ведь есть люди, которые за деньги готовы помочь и организовать несчастный случай, например. Или просто вечером встретить и поговорить... Масса вариантов.

А пока — ждать, мечтать, готовиться!

Ну вот, другое дело! Я сразу приободрилась,

загорелась. Дел вокруг столько, а я разнюнилась, руки опустила.

И параллельно снова искать и искать себе кого-то. Какие мои годы? В конце концов, мне завести знакомство — раз плюнуть. А разве мало найдётся состоятельных мужчин «за сорок и старше», у которых вторая-третья молодость только начинается?

А тут я — стройненькая, без комплексов. Запросто можно устроить брак с каким-нибудь дедом, который потом оставит меня счастливой вдовой и богатой наследницей.

Этот номер потом можно повторить не один раз; кто мне мешает?! Так что вперёд и с песнями.

И надо ещё хорошенько вспомнить, кто из моих обидчиков пока остался безнаказанным. А то я что-то начала форму терять.

Как там, например, поживает экс-муженёк, Серёженька? Тоже ведь ловко вывернулся, ушёл сухим. И я проглотила?! Не-ет!

Вот это и есть мой самый лучший выбор: идти дорогой сильных, перед которыми никто не устоит. Да, да! Сто раз да!

Сегодня же, прямо сейчас и начну действовать. И первым делом надо ликвидировать один самый старый, самый болезненный должок, много лет мешающий мне спокойно жить: а позвоню-ка я тёте Наташе!

Сначала сочувственно спрошу про её житьё-бытьё: мол, не надо ли вам помочь в чём-нибудь? Люди это ценят: тут же растает.

Потом поведаю со слезой в голосе, как бесконечно тоскую по своей закадычной, единственной, по-настоящему дорогой подруженьке, умнице и рукодельнице Анечке Голубевой.

Как там жизнь её семейная в столице протекает, под любящим крылышком обеспеченного мужа? А нельзя ли, тётенька Наташенька, попросить у вас телефончик и адресочек Анюточки? Я, видите ли, как раз в Москву собираюсь прошвырнуться, вот и заскочила бы, проведала. Старая дружба не ржавеет!

И не поленюсь в Москву съездить — кто мне мешает? А там, на месте, буду действовать по обстоятельствам, экспромтом.

Нет, не уйдёт Голубева от моей справедливой мести. И то, что отказалась она тогда от нашей дружбы, практически бросила меня, — припомнится ей теперь до мелочей. Она меня тогда, на моём же дне рождения, посмела унижить: развернулась и ушла! Просто в душу плюнула.

Этого ни один уважающий себя человек никогда не забудет, а я тем более!

...А остальные мои обидчики, которых перечислять — недели не хватит?! В одном только медучилище их целый отряд. И тётка Дина заждалась своей порции, и шеф мой бывший, Владлен Игнатович... И чего я до сих пор медлила? Сколько времени зря потеряла!

Ничего, теперь я наверстаю.

□

Лариса Анатольевна РАТИЧ

родилась в г. Порхов Псковской области.

Поэт, прозаик, драматург.

Пишет для взрослых и детей.

Публиковалась во многих периодических изданиях России и Украины.

Автор шести книг: «Трава по пояс» (2008),

«Мы пришли из Ниоткуда» (2010), «Оставаясь жить» (2011),

«А сердце сказало» (2011), «Солнечная улыбка» (2014),

«Антипедагогические этюды» (2016).

Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов и фестивалей,

в том числе и международных.

Член Союза писателей России и Конгресса литераторов Украины.

Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

